U 98/2

Д. Н. Анучинъ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

СТОЛѢТІЕ

„ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА“.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1891.

Л 98
2

Д. Н. Анучинъ.

ф1-79
10172

НЕ КОПИРОВА

СТОЛѢТІЕ

„ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА".

ф. 31-1446

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1891.

2007050525

Столѣтіе „Писемъ русскаго путешественника".

I.

«Московскій Журналъ» 1791—1792 гг.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось сто лѣтъ со времени появленія въ Москвѣ первыхъ книжекъ *Московскаго Журнала*, и въ нихъ первыхъ *Писемъ русскаго путешественника*—Карамзина. Начавшись въ январской книжкѣ 1791 г., *Письма* помѣщались въ теченіе всего этого года, а затѣмъ и слѣдующаго, продолжались въ сборникѣ *Аглая* и вышли, наконецъ, отдѣльнымъ изданіемъ, въ четырехъ частяхъ, въ 1797 г. и въ послѣднихъ двухъ, пятой и шестой, въ 1799—1801 гг. Такъ какъ *Письма русскаго путешественника* составились изъ дѣйствительныхъ писемъ, которыя посылалъ изъ-за границы Карамзинъ къ своимъ друзьямъ, А. А. и Н. И. (мужу и женѣ) Плещеевымъ въ 1789—90 гг., то, очевидно, они были закончены уже въ 1790 г., и только внѣшнія обстоятельства были причиною, что печатаніе ихъ растянулось на нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны, уже первыя напечатанныя *Письма* явственно отмѣтили собою новую эпоху въ исторіи нашего литературнаго слога и языка и выдвинули Карамзина, какъ одного изъ первыхъ дѣятелей этой новой эпохи и одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей современнаго ему поколѣнія. Вотъ почему время появленія первыхъ *Писемъ русскаго путешественника* можетъ считаться, въ одно и то же время, и важною гранью въ литературной дѣятельности Карамзина, и замѣтнымъ моментомъ въ развитіи русской словесности, а потому и столѣтній юбилей первыхъ *Писемъ* заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ текущей печати воспоминаніемъ объ этомъ выдающемся произведеніи русской литературы конца прошлаго столѣтія.

Первыя *Письма русскаго путешественника* появились (до письма изъ Парижа отъ 27 марта 1790 г. включительно) въ издававшемся Карамзинымъ въ 1791—92 гг. *Московскомъ Журналѣ*. Мысль объ изданіи журнала возникла у Карамзина еще за границей. Возвратившись въ Россію моремъ осенью 1790 г., онъ остановился въ Петербургѣ, познакомился тамъ, чрезъ посредство своего пріятеля И. И. Дмитріева, съ Державинымъ и пригласилъ

его, Дмитріева и другихъ литераторовъ къ сотрудничеству въ проектированномъ имъ журналѣ. Пріѣхавъ въ Москву и поселившись въ домѣ своихъ друзей Плещеевыхъ, Карамзинъ немедленно принялся за осуществленіе своей мысли и уже въ № 89 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 6 ноября 1790 г., появилось объявленіе о пріемѣ подписки на новый журналъ, имѣвшій выходить съ января 1791 г. ежемѣсячно, книжками страницъ до 100 и болѣе, за цѣну въ Москвѣ 5 р. въ годъ, а въ другихъ городахъ съ пересылкою 7 р. Подобные журналы и объявленія о нихъ въ то время уже не составляли рѣдкости въ Россіи. Не считая *С.-Петербургскихъ* (академическихъ) и *Московскихъ* (университетскихъ) *Вѣдомостей*, за тридцать два года, съ 1759 по 1790 г. включительно, возникло не менѣе 80 періодическихъ изданій, большинство которыхъ имѣло, впрочемъ, кратковременное существованіе, годъ (и даже меньше) или много два-три. Изданія эти возникали какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ и даже въ провинціальныхъ городахъ—Ярославлѣ, Тобольскѣ. Издавались они и академіей наукъ, и обществами (вольно-экономическимъ, вольнымъ россійскимъ собраніемъ), и при учебныхъ заведеніяхъ (Шляхетномъ и кадетскомъ корпусѣ, Московскомъ университетѣ и др.), и частными лицами, русскими и иностранцами, чиновными и нечиновными. Были въ числѣ этихъ журналовъ и литературные и научные, сатирическіе и мистическіе, посвященные исторіи и естествознанію, духовно-нравственные, сельско-хозяйственные, музыкальные, модные и т. д. Число журналовъ постепенно возростало и въ 1791 г., когда на поприще журналистики выступилъ Карамзинъ, ихъ имѣлось уже (кромѣ *Вѣдомостей*) 15, изъ коихъ 4 возникли (какъ и *Московскій Журналъ*) въ этомъ году, а прочіе составляли продолженіе основанныхъ однимъ или нѣсколькими годами раньше. Порядокъ выхода, форматъ и цѣна *Московскаго Журнала* также не отличались ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ журналовъ того же времени, тѣмъ не менѣе, новый журналъ во многомъ выдѣлился изъ среды своихъ собратій и представлялъ собою шагъ впередъ въ развитіи русской журналистики.

Уже самое названіе новаго журнала, по своей простотѣ, выдѣляло его изъ другихъ, ему современныхъ. Въ то время предпочитали большею частью длинныя и замысловатыя названія, вродѣ, напримѣръ: *Лѣкарство отъ скуки и заботъ*; *Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену*; *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*; *Дѣло отъ бездѣлья или пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ*; *Прохладные часы или аптека, врачующая отъ унынія*; *Иппокрена или утѣхи любословія* и т. п. Карамзинъ постарался дать самое простое названіе: «Журналу,—сказалъ онъ въ своемъ объявленіи,—надобно дать имя, онъ будетъ издаваемъ въ Москвѣ, и такъ имя готово—*Московскій Журналъ*» *). Объявленіе о подпискѣ на

*) Возможно, впрочемъ, что это названіе было отчасти подражаніемъ тогдашнему *Берлинскому Журналу*, подобно тому какъ издававшіеся около этого времени въ Петербургѣ *Зритель* и *С.-Петербургскій Меркурій* были названы такъ въ подражаніе англійскому *Spectator* и парижскому *Mercure de France*.

новый журналъ отличалось также простотою и скромностью сравнительно съ тѣмъ, что представляли другія подобныя объявленія въ то время. Правда, тогда не умѣли еще привлекать публику такими заманчивыми обѣщаніями, какими пользуются многіе новѣйшіе издатели, тѣмъ не менѣе, и въ то время уже старались возбудить вниманіе подписчиковъ разъясненіемъ пользы періодическихъ изданій, витіеватыми посвященіями вельможамъ, а чаще громкими обѣщаніями: «питать вкусъ читателей, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для всего величайшую разборчивость въ помѣщеніи матерій и ничего не упустить, чтобы журналъ приносилъ удовольствіе и пользу читателямъ всякаго рода и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ обрѣтать что-нибудь такое, что̀ бы удовлетворять могло собственному его вкусу и склонностямъ» *). Одинъ издатель объявлялъ, что главное попеченіе его «посвящено будетъ на то, чтобы пьесы были самыя соотвѣтственныя, отборныя и оцѣненныя здравою и безпристрастною критикой... яко плоды кроткой, благонамѣренной литературы, между всѣми просвѣщенными народами растворяющей жизнь благородную невиннымъ и полезнымъ удовольствіемъ». Другой увѣрялъ, что его журналъ «будетъ не въ числѣ такихъ, которые по прочтеніи ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ умноженію библіотеки, но что оный всегда имѣть и по-часту употреблять весьма будетъ нужно всякому, какого бы онъ званія и чина ни былъ». Въ числѣ издателей были и такіе, которые старались побудить къ подпискѣ угрозой, что потомъ журналъ будетъ продаваться дороже; другіе всячески увѣряли въ своей аккуратности, замѣчая, что «обмануть публику—значитъ оскорблять нѣчто священное», или старались прельстить предложеніемъ, что кто подпишется на десять экземпляровъ, получитъ одиннадцатый безплатно. Иные, наконецъ, пробовали стыдить неподатливую публику; такъ, Туманскій, въ объявленіи о своемъ *Россійскомъ Магазинѣ* (1792—94 гг.), восклицалъ: «Неужели любители наукъ и усердные сыны, о прямомъ своего отечества познаніи стараюціеся, оставятъ сіе предпріятіе безъ подкрѣпленія? И думать стыжусь. Конечно, стыдно».

Ничего подобнаго въ объявленіи о *Московскомъ Журналѣ* не было. Карамзинъ прямо начинаетъ съ «содержанія» журнала, которое можетъ быть сведено, въ главныхъ чертахъ, къ пяти рубрикамъ: 1) русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ; 2) переводы небольшихъ иностранныхъ сочиненій съ извѣстіями о новыхъ важныхъ книгахъ, выходящихъ на иностранныхъ языкахъ; 3) «критическія разсматриванія русскихъ книгъ, особенно оригинальныхъ»; 4) «извѣстія о театральныхъ пьесахъ, съ замѣчаніями на игру актеровъ»; 5) смѣсь. Какъ ни проста можетъ казаться эта программа (или «планъ», какъ ее называетъ Карамзинъ), однако, именно этой-то простоты, соединенной съ сознаніемъ того, что̀ требовалось для литературнаго журнала, и не было въ «планахъ» тогдашнихъ періодическихъ изда-

*) Объявленіе объ изданіи на 1791 г. *Чтенія для вкуса, разума и чувствованій.*

ній. Въ планѣ одного журнала встрѣчаемъ, напримѣръ, такія рубрики: «Нравоученія ко впечатлѣнію добродѣтели»; «Ко увеселенію сердца и разбитію скучныхъ мыслей отличными, забавными, смѣшными и замысловатыми сказаніями» и т. п.; въ планѣ другаго находимъ: «Побужденія къ добродѣтели»; «Острыя и замысловатыя шутки»; «Справедливыя, невредныя и ни до кого лично не касающіяся критики» и т. д. Хотя большинство издателей и заявляло о своемъ намѣреніи печатать «статьи въ стихахъ и прозѣ, россійскаго сочиненія и переводимыя съ иностранныхъ языковъ», однако, послѣднія преобладали, а въ нѣкоторыхъ журналахъ составляли даже единственное содержаніе. Издатель одного журнала (въ 1793 г.), въ отвѣтъ на чей-то упрекъ въ маломъ числѣ «сочиненій» (т.-е. оригинальныхъ статей), оправдывался тѣмъ, что онъ «ихъ мало получалъ», что «сочиненія вообще требуютъ много времени, требуютъ зрѣлости въ литературѣ, до которой мы еще не достигли». Со стороны Карамзина было поэтому довольно смѣлымъ поставить на первомъ мѣстѣ «русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ», да еще такія, которыя «могутъ доставлять удовольствіе читателю». Но онъ заручился сотрудничествомъ Державина, Дмитріева и другихъ, а для прозы имѣлъ въ виду собственныя *Письма русскаго путешественника* и другія свои, какъ онъ выражался послѣ, «бездѣлки». Интересна и другая особенность карамзинскаго объявленія. Большинство издателей старались о томъ, чтобы угодить читателямъ «всякаго роду и званія», обѣщая «питать ихъ вкусъ и занимать разумъ» или «плѣнять красотами добродѣтели», и всѣ вообще обращались съ просьбою къ своимъ читателямъ присылать въ журналъ свои «творенія», обѣщая помѣщать ихъ «съ чувствительнѣйшею признательностью». Карамзинъ, напротивъ того, заявилъ, что будетъ печатать только то, «что̀ можетъ нравиться людямъ, имѣющимъ вкусъ», что онъ будетъ принимать съ благодарностью «все хорошее и согласное съ его планомъ, въ который не входятъ только теологическія, мистическія, слишкомъ ученыя, педантическія, сухія пьесы». Устраненіемъ такихъ «пьесъ» Карамзинъ подступалъ, конечно, ближе къ дѣйствительной задачѣ литературнаго журнала, и дальнѣйшая дѣятельность его, какъ журналиста, доказала, что онъ умѣлъ и выбирать интересное, и устранять, по возможности, сухое и скучное.

1 января 1791 г. было объявлено въ *Вѣдомостяхъ* о выходѣ первой книжки *Московскаго Журнала*. Эта книжка была составлена такъ, что несомнѣнно могла быть прочитана съ интересомъ отъ начала до конца. Въ ней были помѣщены стихотворенія Державина, Дмитріева, Карамзина и друг., первыя *Письма русскаго путешественника*, изложеніе *Эмиліи Галотти* Лессинга и разборъ игры этой трагедіи на московской сценѣ, изложеніе тогдашней русской литературной новости, *Кадма и Гармоніи* Хераскова, съ указаніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ этомъ «древнемъ повѣствованіи», и переводъ французской рецензіи (изъ *Mercure de France*) о путешествіи Ле-Вальяна въ южную Африку, съ интересными подробностями о бытѣ тамошнихъ дикарей. Послѣдующія книжки представляли не мень-

шій интересъ. Онѣ начинались всегда стихотвореніями, затѣмъ слѣдовали *Письма русскаго путешественника* и другая проза, сначала преимущественно переводная, послѣ и оригинальная, біографическіе очерки (между прочимъ, жизнь извѣстнаго Каліостро, о которомъ тогда было много толковъ), отчеты о московскихъ и парижскихъ спектакляхъ, рецензіи книгъ (представлявшія первыя попытки литературной или, точнѣе, стилистической критики), смѣсь и т. д.

Въ слѣдующемъ году *Московскій Журналъ* сталъ еще интереснѣе и разнообразнѣе. При той же программѣ, въ немъ начали появляться оригинальныя повѣсти Карамзина: *Бѣдная Лиза*, *Наталья боярская дочь* и другія, также историческіе очерки, переводы изъ Шиллера, Монтескьё, біографіи Клопштока и Виланда и т. д. Но, вслѣдствіе отлучекъ Карамзина въ деревню, нѣкоторыя книжки запаздывали выходомъ, а въ послѣдней, декабрьской, книжкѣ Карамзинъ неожиданно объявилъ, что *Московскій Журналъ* заключается и что мѣсто его «заступятъ» отдѣльныя книжки (сборники), которыя будутъ издаваться несрочно и безъ подписки.

Причины, почему Карамзинъ рѣшилъ прекратить изданіе журнала, не достаточно выяснены. Съ одной стороны, его могла отягощать срочность составленія и выдачи книжекъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, въ одно и то же время, и издателемъ, и редакторомъ. Позже, въ 1802—1803 гг., онъ не испугался почти удвоенной срочности, принявъ на себя редакцію *Вѣстника Европы*, выходившаго два раза въ мѣсяцъ, книжками не менѣе 5 печатныхъ листовъ. Но необходимо принять во вниманіе, что тогда онъ былъ только редакторомъ, а изданіе приняли на себя содержатели московской университетской типографіи. Кромѣ того, и условія литературнаго дѣла въ это время, съ воцареніемъ Александра I, во многомъ измѣнились къ лучшему. Эти условія, какъ они сложились къ концу царствованія Екатерины II, имѣли, повидимому, несомнѣнное вліяніе на «омраченіе духа» Карамзина и на ограниченіе Карамзинымъ своей литературной дѣятельности. Въ концѣ 1791 г. была закрыта извѣстная «типографическая компанія», организованная Новиковымъ, а въ апрѣлѣ 1792 г. Новиковъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость; друзья его были также разосланы по отдаленнымъ городамъ и деревнямъ. Карамзинъ былъ несомнѣнно пораженъ участью людей, которымъ онъ былъ значительно обязанъ своимъ развитіемъ и которыхъ привыкъ цѣнить и уважать. Вообще горизонтъ становился настолько мраченъ, что возбуждалъ опасеніе. Въ августѣ 1792 г. московскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, допрашивая одного изъ членовъ дружескаго масонскаго общества, кн. Трубецкаго, освѣдомлялся и о Карамзинѣ, хотя онъ «ѣздилъ вояжиромъ» не по порученію общества, а «на свои деньги».

Однимъ изъ поводовъ къ прекращенію журнала могло быть и недостаточное число подписчиковъ. Въ концѣ 1791 г. Карамзинъ жаловался, что у него на первый годъ было только 300 «субскрибентовъ». Въ дѣй-

ствительности ихъ было еще менѣе, если судить по перечнямъ подписчиковъ, помѣщеннымъ въ концѣ различныхъ книжекъ журнала, именно—всего 256. На слѣдующій годъ число это нѣсколько возросло, но немного—до 294. Карамзинъ, между тѣмъ, если издавалъ и не съ корыстною цѣлью, то, все-таки, надѣялся на нѣкоторое вознагражденіе за свой трудъ. Но такая надежда въ то время была обманчива: число читателей было вообще очень ограничено, а подписчиковъ и подавно. Какъ ни мала цифра 300 «субскрибентовъ», но и ея достигалъ въ то время рѣдкій журналъ. Очень часто это число ограничивалось сотней или даже десятками. Нѣкоторые журналы прерывались на первой книжкѣ или даже заявляли о себѣ только объявленіемъ. *Библіотека ученая, экономическая...* и т. д., издававшаяся въ 1793—94 гг., въ Тобольскѣ, П. Сумароковымъ, имѣла всего 111 подписчиковъ. *Утренніе Часы* 1788 — 89 гг. заявляли въ своемъ объявленіи, что къ изданію журнала «не можно приступить иначе, какъ по собраніи двухъ сотъ подписчиковъ», но на самомъ дѣлѣ приступили при 48, окончили годъ при 102 и прекратились въ началѣ слѣдующаго года. Издатель *С.-Петербурскаго Еженедѣльнаго Изданія* 1778 г. заявлялъ при его прекращеніи, что оно обошлось ему въ 2,000 руб., «а съ подписавшихся едва десятая часть получена». *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* 1786—87 гг. увѣдомило при своей кончинѣ «малое число подписавшихся», что «причина пресѣченія та, что издатель доселѣ и пятой части издержаннаго иждивенія не возвратилъ». Въ заявленіи о прекращеніи *Зеркала Свѣта* (1786 — 87 гг.) читаемъ, что «малое число подписателей, сей годъ бывшихъ, а и того менѣе на будущій явившихся, утвердили давно извѣстную о писателяхъ, общую пользу предметомъ имѣющихъ, истину».

Вообще въ то время могли выдерживать по нѣскольку лѣтъ только такія изданія, которыя пользовались субсидіями (отъ академіи наукъ, Обществъ, Императрицы) или издавались содержателями типографій, какъ приложеніе къ *Вѣдомостямъ*, которыя и тогда расходились въ значительно бо́льшемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ журналы. Впрочемъ, *Московскія Вѣдомости* до 1779 г. имѣли тоже не болѣе 600 подписчиковъ, и только съ переходомъ изданія ихъ къ Новикову, который всячески старался объ ихъ улучшеніи и оживленіи, число подписчиковъ стало возростать и дошло до 4,000. Какъ на исключеніе, въ ряду журналовъ XVIII в., по ихъ успѣху, слѣдуетъ указать на нѣкоторые сатирическіе семидесятыхъ годовъ, особенно на *Живописецъ* Новикова (съ апрѣля 1772 до іюля 1773 г.). Успѣхъ въ данномъ случаѣ выражался, впрочемъ, не въ количествѣ собственно подписчиковъ, такъ какъ журналъ печатался, несомнѣнно, тоже въ какихъ-нибудь двухъ стахъ или немногимъ болѣе экземпляровъ, а въ томъ, что къ концу года понадобилось второе изданіе журнала, а затѣмъ, въ 1775 и 1781 гг.—третье и четвертое (въ 1793 г. вышло еще пятое). Вообще въ то время книги получали извѣстность, повидимому, медленно, и охотники на тотъ или другой журналъ оказывались нерѣдко тогда,

когда журналъ уже успѣвалъ прекратиться за малымъ числомъ подписчиковъ *).

Если сопоставить съ этими фактами судьбу *Московскаго Журнала*, то она оказывается, сравнительно, благопріятною. Замѣтимъ, что когда Карамзинъ началъ изданіе своего журнала, онъ былъ совершенно неизвѣстенъ публикѣ, и, съ другой стороны, что въ этомъ году (1791) издавалось еще 14 другихъ журналовъ, бо́льшая часть которыхъ была основана ранѣе и могла заручиться уже нѣкоторымъ числомъ подписчиковъ. И, тѣмъ не менѣе, уже на первый годъ *Московскій Журналъ* имѣлъ болѣе 250 подписчиковъ, а на слѣдующій годъ ихъ число, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, какъ это случалось тогда нерѣдко съ другими журналами, возросло до 300. Что журналъ, хотя и медленно, но пріобрѣталъ извѣстность и сочувствіе, видно изъ того, что помѣщенныя въ немъ статьи Карамзина потребовали въ 1794 г. отдѣльнаго изданія (подъ названіемъ *Мои бездѣлки*), которое было повторено въ 1797 г., не считая отдѣльныхъ изданій *Бѣдной Лизы* и *Писемъ русскаго путешественника*, и что потребовалось также второе изданіе всего журнала въ 1801—1803 гг.

О впечатлѣніи, произведенномъ статьями журнала, особенно принадлежавшими самому Карамзину, мы можемъ судить изъ разсказовъ современниковъ, наприм., Ѳ. Н. Глинки и другихъ. Къ началу 1800-хъ годовъ, когда Карамзинъ былъ приглашенъ въ редакторы *Вѣстника Европы* (журнала сравнительно дорогого, стоившаго 12—15 р. въ годъ), имя его пользовалось такою извѣстностью въ публикѣ, что уже ко времени выхода первой книжки журнала у него было 580 подписчиковъ, а къ концу года число ихъ достигло неслыханной ранѣе цифры—1,200, и Карамзинъ на второй годъ изданія могъ получать уже съ журнала, по его собственнымъ словамъ, 6,000 р. дохода.

II.

Значеніе «Писемъ» и литературное развитіе ихъ автора.

Письма русскаго путешественника были самымъ значительнымъ произведеніемъ Карамзина за всю первую половину его литературной дѣятельности. Ни въ какомъ другомъ его произведеніи этого періода (можно сказать даже—ни въ какомъ другомъ произведеніи русской литературы вообще конца прошлаго вѣка) не было соединено столько образовательнаго матеріала, столько интересныхъ данныхъ объ европейской литера-

*) Какъ на изданіе, явившееся исключеніемъ по продолжительности существованія, слѣдуетъ указать на *Политическій Журналъ* (ежемѣсячный), составлявшій переводъ такого же нѣмецкаго журнала, издававшагося въ Гамбургѣ, и выходившій въ теченіе 41 г., съ 1790 по 1830 г., подъ редакціей профессоровъ Московскаго университета Сохацкаго и Гаврилова. Заключая въ себѣ всѣ тогдашнія иностранныя политическія новости (хотя и появлявшіяся въ русскомъ переводѣ на третій мѣсяцъ) и выходя довольно аккуратно, журналъ этотъ успѣлъ заручиться извѣстнымъ кружкомъ читателей и могъ продержаться долѣе всѣхъ своихъ собратій.

турѣ и цивилизаціи, ни одно не было проникнуто такимъ сочувствіемъ къ европейскому просвѣщенію, уваженіемъ къ выдающимся его представителямъ, увлеченіемъ успѣхами общественности; ни одно, наконецъ, не выдѣлилось въ подобной степени изящностью и простотой формы и легкостью языка, какъ эти *Письма* молодаго 22—23-хъ лѣтняго русскаго писателя, соединявшаго въ себѣ обширную литературную начитанность съ художественнымъ вкусомъ и съ общительностью свѣтскаго европейскаго человѣка.

Въ объявленіи объ изданіи *Московскаго Журнала* Карамзинъ выразился о своихъ *Письмахъ* такъ: «Одинъ пріятель мой, который изъ любопытства путешествовалъ по разнымъ землямъ Европы, который вниманіе свое посвящалъ натурѣ и человѣку, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, и записывалъ то, что видѣлъ слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ,—намѣренъ записки свои предложить почтенной публикѣ въ моемъ журналѣ, надѣясь, что въ нихъ найдется что-нибудь занимательное для читателей». Отдѣльное изданіе *Писемъ* (1797 г.) имѣетъ такое надписаніе: «Семейству друзей моихъ Плещеевыхъ». «Къ вамъ писанное, вамъ и посвящаю». Въ предисловіи къ этому изданію Карамзинъ говоритъ: «Я хотѣлъ при новомъ изданіи многое перемѣнить въ сихъ письмахъ, и не перемѣнилъ почти ничего. Какъ они были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются. Пестрота, неровность въ слогѣ, есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодого, неопытнаго русскаго путешественника: онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ, и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогою, на лоскуткахъ, карандашомъ. Много неважнаго, мелочи—соглашаюсь, но... для чего же и не простить путешественнику нѣкоторыхъ бездѣльныхъ подробностей?... А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бишингову географію».

Письма Карамзина были совершенно новымъ и оригинальнымъ явленіемъ въ русской литературѣ. Конечно, и до Карамзина не мало русскихъ перебывало за границей, но никому изъ нихъ не приходило, повидимому, и на мысль написать нѣчто въ этомъ родѣ, да едва ли кто изъ нихъ и могъ осуществить что-либо подобное. Для этого требовалось соединеніе исключительныхъ благопріятныхъ условій, какое въ то время могло встрѣтиться очень рѣдко. Въ XVIII в. за границу ѣздило не мало молодыхъ людей, «для пополненія своего образованія», но болѣе состоятельные изъ нихъ предавались большею частью праздной и шумной жизни въ большихъ городахъ, проматывали тамъ нерѣдко цѣлыя состоянія и вывозили изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о видѣнныхъ ими модахъ и увеселеніяхъ. Были, правда, и другаго сорта молодые люди, отправлявшіеся за границу дѣйствительно для образованія, и многіе изъ нихъ принесли потомъ значительную пользу въ качествѣ академиковъ, профессоровъ и т. д., при-

нявъ дѣятельное участіе въ пересаживаніи на русскую почву началъ европейскаго знанія, но почти всѣ они посылались заграницу прямо со школьной скамьи, изъ духовныхъ академій, корпусовъ, университета (какъ это было, напримѣръ, съ Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ, Десницкимъ, Радищевымъ и др.) и имѣли задачею подготовленіе себя къ извѣстной профессіи и обученіе въ тѣхъ или иныхъ иностранныхъ университетахъ, согласно данной имъ инструкціи. Получая обыкновенно скромныя средства и обязанные воспользоваться своимъ заграничнымъ пребываніемъ для изученія извѣстныхъ наукъ, они не имѣли ни времени, ни возможности знакомиться шире съ заграничною жизнью, вращаться въ литературныхъ сферахъ, разъѣзжать и собирать различныя наблюденія и впечатлѣнія. Въ болѣе подходящихъ условіяхъ находился Фонъ-Визинъ, который ѣздилъ за границу нѣсколько разъ во второй половинѣ XVIII вѣка (до Карамзина) и, какъ человѣкъ образованный и состоятельный, былъ вхожъ тамъ въ лучшее общество, знался и съ аристократіей, и съ литераторами, и, какъ писатель съ талантомъ и наблюдательностью, могъ составить интересныя замѣтки о заграничныхъ своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ его письмахъ интересны лишь остроумныя замѣчанія о темныхъ сторонахъ характера и жизни европейскихъ народовъ, да и то остроуміе автора часто сильно пересаливаетъ. Такъ, Лейпцигъ, напримѣръ, съ его знаменитымъ университетомъ, вызвалъ у Фонъ-Визина только замѣчаніе, что «ученость не родитъ разума»; итальянцы произвели на него впечатлѣніе, что всѣ они «злы безмѣрно и трусы подлѣйшіе»; у французовъ онъ нашелъ либо грубое невѣжество и суевѣріе, либо «наглость разума» и шарлатанство; относительно Кёнигсберга имъ было замѣчено только, что «улицы тамъ узкія, дома высокіе, набиты нѣмцами, у которыхъ рожи по аршину» *).

Исключительныя условія, соединявшіяся въ Карамзинѣ, какъ авторѣ *Писемъ русскаго путешественника*, заключались отчасти въ свойствахъ его природы, отчасти въ особенностяхъ его воспитанія и развитія. По своей природѣ Карамзинъ отличался съ дѣтства, при выдающихся способностяхъ, значительною впечатлительностью и чувствительностью, на основѣ которыхъ, благодаря послѣдующимъ благопріятнымъ вліяніямъ, развилось горячее стремленіе къ усвоенію себѣ литературной образованности, усиленное стараніе въ выработкѣ легкаго, «пріятнаго» слога, наклонность къ увлеченію «прекраснымъ» и благодушный оптимизмъ, соединенный отчасти съ искренностью, отчасти съ искусственною сантиментальностью. Первоначальное воспитаніе Карамзина было, впрочемъ, такое же, какъ и у многихъ другихъ его современниковъ и сверстниковъ изъ среднепомѣстныхъ дворянъ; оно было также руководимо иностранцами, съ тѣмъ только отличіемъ, что Карамзинъ былъ воспитанъ не французами, а въ нѣмецкомъ пансіонѣ, и, притомъ, въ одномъ изъ лучшихъ въ то время, именно въ московскомъ пансіонѣ профес-

*) Письма Фонъ-Визина, адресованныя гр. Панину и родными, были изданы много лѣтъ спустя послѣ смерти автора и значительно позже появленія *Писемъ* Карамзина.

сора Шадена (откуда онъ посѣщалъ и нѣкоторыя лекціи въ университетѣ). Дальнѣйшее кратковременное пребываніе его въ Петербургѣ, на службѣ въ гвардіи и затѣмъ, послѣ смерти отца, въ деревнѣ и въ Симбирскѣ, могло только способствовать развитію въ молодомъ человѣкѣ общительности и свѣтскости, хотя дружба съ И. И. Дмитріевымъ благопріятствовала и поддержанію интереса къ литературѣ. Настоящее литературное образованіе Карамзина началось съ тѣхъ поръ, какъ другъ его отца, отставной бригадиръ и ревностный масонъ, И. П. Тургеневъ, уговорилъ его ѣхать въ Москву и ввелъ его здѣсь въ общество извѣстнаго Новикова. Четыре года, проведенные подъ эгидою новиковскаго кружка, въ постоянномъ общеніи съ близкими къ Новикову «молодыми любословами», оказали громадное вліяніе на развитіе способнаго и впечатлительнаго юноши. Кружокъ Новикова преслѣдовалъ, какъ извѣстно, широкія просвѣтительныя задачи, содѣйствуя распространенію въ русскомъ обществѣ образованности и началъ разумной педагогіи, и призывая его къ филантропіи и нравственному усовершенствованію. Кружокъ издавалъ и распространялъ журналы, книги, учебники, заводилъ типографіи, книжныя лавки и публичныя библіотеки, открывалъ училища и приготовлялъ учителей для нихъ, привлекалъ къ себѣ молодыхъ способныхъ людей и давалъ имъ средства къ дальнѣйшему образованію и даже къ поѣздкѣ за границу, устраивалъ больницы и аптеки для бѣдныхъ, сближалъ людей различныхъ положеній и состояній во имя высшихъ цѣлей и проводилъ убѣжденіе въ необходимости стремиться къ осуществленію извѣстнаго нравственнаго идеала. Примкнувъ къ масонству, усвоивъ себѣ его символическіе знаки, странные обряды и тайныя собранія, а затѣмъ увлекшись мистицизмомъ и даже средневѣковымъ «испытаніемъ натуры вещей» и стремленіемъ къ отысканію «философскаго камня», кружокъ возбудилъ противъ себя насмѣшки, подозрѣнія и, наконецъ, преслѣдованія; но эта обрядовая и мистическая сторона кружка не въ состояніи заслонить другихъ сторонъ его дѣятельности и не можетъ лишить его значенія, какъ одной изъ замѣчательныхъ попытокъ къ пробужденію плодотворной и безкорыстной самодѣятельности въ средѣ русскаго общества XVIII вѣка. Мистико-масонскія стремленія далеко не поглощали собою всей дѣятельности кружка и занимали, главнымъ образомъ, высшихъ его представителей; прочіе же, а въ особенности привлеченные кружкомъ молодые люди, пользовались полною возможностью воспитывать себя для будущаго просвѣщеннаго служенія обществу и усвоивать себѣ болѣе или менѣе широкое литературное образованіе.

Карамзинъ былъ именно въ числѣ такихъ молодыхъ людей. Онъ вращался въ сферѣ масоновъ, посѣщалъ ихъ собранія, былъ вхожъ въ домъ кн. Трубецкаго и другихъ московскихъ баръ, друзей Новикова, сошелся близко съ А. А. Петровымъ, ученикомъ и почитателемъ профессора Шварца (мистика и масона, умершаго передъ самымъ пріѣздомъ Карамзина въ Москву), и съ А. М. Кутузовымъ, уѣхавшимъ послѣ того за границу въ качествѣ агента русскихъ масоновъ, но это вліяніе мистико-масонской атмо-

сферы было только благотворнымъ для Карамзина, содѣйствуя превращенію его (по свидѣтельству Дмитріева) изъ беззаботнаго, свѣтскаго юноши въ «благочестиваго ученика мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенствованію въ себѣ человѣка». Передъ отъѣздомъ за границу Карамзинъ откровенно заявилъ въ обществѣ Новикова, что, «не переставая питать уваженіе къ почтеннымъ членамъ его и признательность за ихъ постоянное доброе къ нему расположеніе, онъ, однако-жь, по собственному убѣжденію, принимать долѣе участія въ ихъ собраніяхъ не будетъ и долженъ проститься». Впослѣдствіи Карамзинъ говорилъ, что онъ никогда не могъ примириться съ таинственностью масонскаго ученія и съ его обрядами, «которые всегда казались ему нелѣпыми». Онъ воспользовался за то въ полной мѣрѣ всѣми тѣми благопріятными условіями, какія представлялъ ему новиковскій кружокъ, для литературнаго образованія и развитія. Благодаря Петрову, Карамзинъ ознакомился съ «литературными правилами» Баттё и Лессинга, вмѣстѣ съ нимъ онъ читалъ Аддиссона, Боннета, Шекспира, Виланда и т. д., подъ его руководствомъ переводилъ съ нѣмецкаго и французскаго для *Дѣтскаго Чтенія* и вырабатывалъ свой литературный языкъ и художественный вкусъ. Кутузовъ, слушавшій вмѣстѣ съ Радищевымъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, увлекавшійся тамъ Гельвеціемъ, а послѣ ставшій страстнымъ поклонникомъ Клопштока, переведшій его *Мессіаду* и вступившій въ близкія сношенія съ московскими масонами, тоже содѣйствовалъ, повидимому, болѣе литературному, чѣмъ мистическому развитію Карамзина, который былъ также обязанъ Кутузову укрѣпленіемъ своей мысли о поѣздкѣ за границу, гдѣ онъ надѣялся встрѣтиться съ своимъ другомъ и искалъ его потомъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ. Другое вліяніе на Карамзина шло отъ Ленца, нѣмецкаго поэта, друга Виланда, Гёте и Лафатера, одного изъ видныхъ представителей эпохи такъ называемыхъ «бурныхъ стремленій Германіи» (Sturm und Drang-Periode), еще юношей 16—25 лѣтъ получившаго извѣстность своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ новомъ германскомъ литературномъ движеніи. Вынужденный удалиться по какимъ-то причинамъ (какъ говорятъ, вслѣдствіе неудачи въ любви и оскорбленнаго самолюбія) въ Россію и поселившись въ Москвѣ, Ленцъ нашелъ здѣсь пріютъ въ домѣ одного изъ членовъ новиковскаго кружка, познакомился съ Карамзинымъ, Петровымъ, но скоро впалъ въ меланхолію и, наконецъ, сошелъ съ ума и умеръ (въ 1792 г.). Ленцу былъ, повидимому, въ значительной степени обязанъ Карамзинъ своими обстоятельными свѣдѣніями о нѣмецкой литературѣ, ея современныхъ теченіяхъ и представителяхъ, своимъ, замѣчательнымъ по тому времени, пониманіемъ Шекспира, увлеченіемъ мирною швейцарскою свободой и т. под.

Благодаря всѣмъ этимъ вліяніямъ, Карамзинъ къ 22 годамъ могъ усвоить себѣ такое широкое литературное образованіе, какимъ рѣдко кто изъ русскихъ обладалъ въ то время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣлъ выработать себѣ сравнительно легкій языкъ и литературный слогъ, и заявить себя нѣсколькими печатными литературными трудами. Онъ перевелъ *Юлія Цезаря* Шек-

спира (съ французскаго перевода) и *Эмилію Галотти* Лессинга,—примѣчательный выборъ, такъ какъ оба эти произведенія, кромѣ своихъ художественныхъ достоинствъ, отличаются сочувствіемъ къ свободѣ и ненавистью къ тиранніи. Онъ ознакомился обстоятельно съ нѣмецкою литературой и не только съ классиками: Клопштокомъ, Виландомъ, Гердеромъ, Гёте, Шиллеромъ, Лессингомъ, но и съ поэтами вродѣ Клейста, Маттизона, Галлера, Рамлера, Бодмера, съ сочиненіями Лафатера, Мендельзона, Морица, Энгеля, Мейстера и т. д. Изъ французскихъ писателей ему были знакомы не только первоклассные, какъ Руссо, Вольтеръ, Боннетъ, Расинъ и т. д., но и такіе, какъ Сенъ-Ламберъ и Делиль, Жанлисъ и Мармонтель, Верпъ, а изъ старыхъ—Рабле, Монтань и др. Изъ англійскихъ онъ особенно высоко цѣнилъ Шекспира, зналъ чуть не наизусть Стерна, просиживалъ ночи за Аддиссономъ, переводилъ изъ Томсона, былъ знакомъ съ *Опытомъ о человѣкѣ* Попа, съ поэмой Мильтона, одами Драйдена, *Ночами* Юнга, произведеніями Свифта, поэзіей Оссіана, романами Ричардсона, Фильдинга, Гольдсмита. Ему была извѣстна и тогдашняя періодическая литература: *Берлинскій Журналъ*, англійскій *Зритель*, парижскій *Mercure de France*; онъ читалъ (въ нѣмецкихъ переводахъ) *Иліаду* и *Одиссею*, имѣлъ даже за границей съ собою *Энеиду*, былъ знакомъ, какъ показываютъ его *Письма*, и съ другими древними писателями. По своимъ философскимъ воззрѣніямъ Карамзинъ былъ эклектикъ и оптимистъ, предпочиталъ «искать истину во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ», признавалъ, что «жизнь есть первое счастье», что «изящныя искусства вліяютъ на счастье наше», и вѣрилъ, что «родъ человѣческій хотя медленно, но всегда приближается къ духовному совершенству» и истина, въ концѣ-концовъ, восторжествуетъ надъ ложью. Для характеристики Карамзина въ этотъ періодъ его жизни слѣдуетъ прибавить, что онъ не сочувствовалъ ни сатирѣ, ни критикѣ, полагая, что «лучше прибавить что-нибудь къ общему мнѣнію, чѣмъ заниматься его оцѣнкою», а также, что онъ не любилъ сухихъ и ученыхъ матерій и хотя относился вообще съ уваженіемъ къ наукамъ, но открыто сознавался, что былъ профанъ въ нихъ (наприм., въ естествознаніи) и что ему оставалось многое непонятнымъ въ философскихъ разсужденіяхъ, наприм., у Гердера. Философскимъ трактатамъ онъ предпочиталъ конкретную ихъ иллюстрацію. «*Confessions* Ж.-Ж. Руссо, *Jugendgeschichte* Шиллинга, *Anton Reiser* Морица,— замѣтилъ онъ въ одномъ изъ *Писемъ*,—предпочитаю я всѣмъ систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ». Тѣ же *Письма* доказываютъ, однако, что Карамзинъ весьма интересовался исторіей и читалъ Юма, Робертсона, Гиббона, Мабли, Монтескьё, что онъ имѣлъ понятіе о философскихъ системахъ Декарта, Лейбница, Канта, Мальбранша, о научныхъ заслугахъ Галилея, Коперника, Тихо-де-Браге, что онъ преклонялся предъ геніемъ Ньютона, читалъ Бюффона и признавалъ «натуральную исторію» за «достойнѣйшій предметъ любопытства человѣческаго» *). Послѣ литературы

*) Изъ рецензіи на русскій переводъ *Естественной исторіи* Бюффона, ч. I,

Карамзинъ интересовался наиболѣе искусствомъ, особенно страстно любилъ театръ, но умѣлъ цѣнить также живопись, скульптуру, музыку, вообще все прекрасное и изящное, какъ оно понималось въ то время лучшими представителями западно-европейскаго просвѣщенія.

III.

Карамзинъ за границей; содержаніе его „Писемъ“.

Мысль о путешествіи за границу зародилась въ Карамзинѣ давно. «Сколько лѣтъ,—замѣчаетъ онъ въ первомъ своемъ *Письмѣ*,—путешествіе было пріятнѣйшею мечтой моего воображенія». Еще изъ пансіона Шадена онъ улеталъ мечтой въ Лейпцигъ, а позже бесѣды съ Кутузовымъ и Ленцомъ и знакомство съ иностранною литературой только укрѣпляли его въ стремленіи посѣтить важнѣйшіе центры европейскаго просвѣщенія и дополнить идеи, полученныя изъ книгъ, живыми впечатлѣніями на мѣстахъ. Давно задумавъ свое путешествіе, Карамзинъ имѣлъ достаточно времени къ нему подготовиться. Въ обширномъ смыслѣ, всѣ его занятія по изученію иностранныхъ языковъ и знакомству съ европейскими литературами были такою подготовкой, но онъ прочиталъ также лучшіе тогдашніе очерки Парижа, Англіи, Швейцаріи, Италіи, получилъ указанія отъ лицъ, жившихъ за границею, и заручился цѣлымъ рядомъ рекомендацій. Впослѣдствіи, сблизившись въ Швейцаріи съ Лафатеромъ, Боннетомъ и т. д., онъ былъ снабженъ ими новыми рекомендаціями, которыя открыли для него, между прочимъ, «всѣ лучшіе дома въ Женевѣ» и дали входъ въ нѣсколько литературныхъ салоновъ Парижа.

Первоначально главнымъ предметомъ поѣздки Карамзинъ поставилъ себѣ столицы Франціи и Англіи. «Парижъ и Лондонъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ *Писемъ*,—два первые города въ Европѣ, были двумя фаросами (маяками) моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его». Но послѣ его стала привлекать къ себѣ также Германія, съ ея столь знакомыми и любезными ему по книгамъ литераторами и учеными, и въ особенности—мирная Швейцарія, отечество Ж.-Ж. Руссо, Боннета, Лафатера, съ ея величественною, живописною природой и съ ея свободными и счастливыми гражданами. Имѣлъ онъ также въ виду «пробраться въ южную Францію

1789 г. (въ *Московскомъ Журналѣ*) видно, что Карамзинъ былъ знакомъ съ Бюффономъ въ подлинникѣ и что онъ точнѣе понималъ нѣкоторыя мѣста и термины въ его *Исторіи*, чѣмъ какъ они были переведены академиками Румовскимъ и Лепехинымъ. Такъ, онъ указываетъ, напримѣръ, на несоотвѣтственность передачи терминовъ: classes—„статьи“, ordres—„семейства“, minéraux—„ископаемыя“, замѣчаетъ, что „семейство“ означаетъ въ натуральной исторіи не то, что „ordre“, и выражаетъ недоумѣніе, почему бы не употребить названій „классы“ и „минералы“, названіе же „ископаемыхъ“, по его мнѣнію, „скорѣе бы могло означать fossiles... Какже мы будемъ переводить eaux minéra les? Къ тому же, минералы лежатъ и на поверхности земли, слѣдственно ископаемость не есть общій отличительный признакъ ихъ“. Все это — замѣчанія вполнѣ вѣрныя и русская наука усвоила потомъ указанные термины, какъ ихъ предлагалъ Карамзинъ.

и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса», но поѣздка туда не состоялась, равно какъ не могла осуществиться и мысль,—впрочемъ, лишь случайно мелькнувшая у него въ разговорѣ съ Виландомъ,—о поѣздкѣ въ Италію для осмотра разсѣянныхъ тамъ памятниковъ искусства и величавыхъ развалинъ древности. Всего болѣе Карамзинъ прожилъ въ Женевѣ (около 4-хъ мѣсяцевъ), въ Парижѣ (около трехъ) и въ Лондонѣ (тоже около трехъ), все же пребываніе его за границей продолжалось около 16-ти мѣсяцевъ, съ мая 1789 по конецъ сентября 1790 г. *).

Сначала Карамзинъ предполагалъ ѣхать изъ Петербурга моремъ до Данцига или Штеттина, но затрудненія съ паспортомъ заставили его отправиться сухимъ путемъ на Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву, Кёнигсбергъ, Данцигъ, Берлинъ. Отсюда онъ направился въ Дрезденъ, Лейпцигъ, Веймаръ, далѣе — чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ, Дармштадтъ, Майнцъ, Страссбургъ— въ Швейцарію, гдѣ посѣтилъ Базель, Цюрихъ, Бернъ, сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по горамъ и остановился въ Женевѣ. Пробывъ здѣсь зиму и посѣтивъ многія мѣста въ окрестностяхъ, Карамзинъ поѣхалъ въЛіонъ, намѣреваясь направиться оттуда въ южную Францію, но раздумалъ и отправился въ Парижъ, пробылъ тамъ съ конца марта по іюль, переѣхалъ затѣмъ въ Лондонъ и въ концѣ сентября вернулся оттуда моремъ въ Петербургъ.

Средства на поѣздку К—нъ добылъ отъ продажи своимъ братьямъ принадлежавшей ему части по имѣнію. Изъ этихъ денегъ онъ, впрочемъ, истратилъ только около 1,800 рублей,—сумму сравнительно небольшую, хотя Карамзинъ велъ довольно открытый образъ жизни, посѣщалъ постоянно театры, останавливался нерѣдко въ лучшихъ отеляхъ и т. д. Онъ, повидимому, умѣлъ экономить, и въ этомъ отношеніи могъ служить образцомъ для позднѣйшихъ русскихъ путешественниковъ средняго класса. Въ Женевѣ онъ устроился въ недорогомъ пансіонѣ, въ Парижѣ—въ «отели» недалеко отъ Люксанбургскаго сада, въ Лондонѣ—въ Oxford-street, близъ Cavendish-Square, гдѣ нанималъ «прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю». Какъ человѣкъ общительный, привыкшій уже въ Россіи къ свѣтскому обществу, къ тому же, молодой (22—23 лѣтъ), интеллигентный, всегда щеголевато одѣтый, Карамзинъ легко сближался какъ съ русскими за границей, такъ и съ иностранцами. Особенно легко дружился онъ съ нѣмцами, отчасти по своему лучшему знанію нѣмецкаго языка и привычкѣ къ нѣмцамъ уже въ Москвѣ, а отчасти, можетъ быть, и по особенностямъ своей природы и воспитанія. Въ Веймарѣ Виландъ, разговаривая съ Карамзинымъ, замѣтилъ ему, между прочимъ: «Я вижу еще перваго русскаго такого, какъ вы; я видѣлъ вашего Ш. (Шувалова, П. И.?), остра-

*) Самъ Карамзинъ, впрочемъ, выразился почему-то о своихъ *Письмахъ*, что они представляютъ „зеркало его души въ теченіе *осьмнадцати* мѣсяцевъ". Любопытно, что въ одной изъ своихъ рецензій въ *Вѣстникѣ Европы* онъ упоминаетъ мимоходомъ о шестимѣсячномъ пребываніи въ Женевѣ, гдѣ онъ пробылъ, между тѣмъ, только около четырехъ мѣсяцевъ.

го человѣка, напитаннаго духомъ Вольтера. Обыкновенно ваши единозѣмцы стараются подражать французамъ, а вы...» Фраза не была закончена, но, очевидно, Виландъ имѣлъ въ виду указать на болѣе широкую образованность молодаго русскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на его болѣе нѣмецкое воспитаніе. ВъЛіонѣ Карамзинъ, прежде всего, спѣшитъ познакомиться съ Маттизономъ, нѣмецкимъ поэтомъ, тамъ жившимъ, и тотъ проводитъ съ нимъ почи, читая свои стихи, письма Виланда и бесѣдуя о нѣмецкой литературѣ. Въ Бернѣ Карамзинъ дружится съ проповѣдникомъ Штапферомъ и проводитъ каждый день по нѣскольку часовъ въ его домѣ. Съ нѣмцами осматриваетъ Карамзинъ Ферней, съ нѣмцемъ Рейнвальдомъ посѣщаетъ Парижскую оперу, но особенно близко сходится съ докторомъ Беккеромъ, молодымъ датчанином, учившимся въ Германіи медицинѣ и химіи и прошедшимъ большую часть Германіи пѣшкомъ, «одинъ съ своею собакой и съ кортикомъ на бедрѣ». Съ нимъ Карамзинъ странствуетъ по Альпамъ, живетъ въ Женевѣ, ѣдетъ въ Ліонъ; для него онъ отказывается отъ поѣздки въ южную Францію и ѣдетъ вмѣстѣ въ Парижъ, гдѣ проводитъ болѣе трехъ мѣсяцевъ и, уѣзжая откуда, обращается къ своему другу (въ *Письмахъ*) съ трогательнымъ прощаніемъ, вспоминая о пріятныхъ вечерахъ, проведенныхъ въ чтеніи Шиллера, въ мечтахъ, въ философскихъ и литературныхъ разговорахъ,—о «пріятныхъ обѣдахъ за городомъ, почныхъ прогулкахъ и рыцарскихъ приключеніяхъ». Изъ французовъ Карамзинъ не могъ сойтись близко ни съ кѣмъ и тѣмъ болѣе съ англичанами; впрочемъ, онъ легко освоился и съ женевцами въ ихъ «серкляхъ», и съ парижанами въ ихъ салонахъ, и только въ Лондонѣ ему пришлось проводить время почти исключительно въ компаніи съ русскими. Всего чаще онъ обѣдалъ здѣсь у русскаго посла графа С. Р. Воронцова, «человѣка,—какъ онъ говоритъ,—умнаго, достойнаго, привѣтливаго, который живетъ совершенно по-англійски, любитъ англичанъ и любимъ ими».

Карамзинъ поѣхалъ за границу не съ какою-либо спеціальною цѣлью, а просто изъ любопытства, чтобы познакомиться поближе съ тою Европой, о которой онъ такъ много читалъ и слышалъ. Когда профессоръ Платнеръ предложилъ ему остаться въ Лондонѣ и слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ, указывая на примѣръ его земляковъ, Кутузова, Радищева и другихъ, Карамзинъ сослался на мѣшающія тому «обстоятельства». По особенныхъ обстоятельствъ, кажется, никакихъ не было, кромѣ отсутствія желанія сосредоточиться на изученіи какихъ-либо спеціальныхъ наукъ. Карамзинъ посвящалъ себя «изящнымъ наукамъ», т.-е. интересовался поэзіей, беллетристикой и вообще европейскою литературой и цивилизаціей. Одною изъ цѣлей своей поѣздки онъ поставилъ также веденіе замѣтокъ (въ *Письмахъ* къ Плещеевымъ) и составленіе такимъ образомъ путевыхъ очерковъ,—или «эскизовъ», какъ онъ выразился,—на подобіе тѣхъ, какіе появлялись тогда въ западной литературѣ въ видѣ очерковъ Морица, Архенгольца, Кпокса и др., отчасти также «чувствительныхъ» путешествій Стерна и Верна. Изъ этихъ очерковъ Карамзинъ кое-что заимствовалъ въ

своихъ *Письмахъ*, обыкновенно указывая источникъ; тѣмъ не менѣе, его *Письма* вышли совершенно оригинальнымъ произведеніемъ, въ которомъ описанія достопримѣчательностей перемѣшаны съ разсказами о приключеніяхъ и встрѣчахъ, съ разговорами и разсужденіями, съ національными и литературными характеристиками, съ видѣнными сценами и слышанными анекдотами, съ «чувствительными» замѣчаніями и съ стихотвореніями,— что все придавало «письмамъ» живой и разнообразный интересъ, не только для тогдашней русской публики, но даже и для нѣмецкой, какъ то доказываетъ переводъ ихъ, сдѣланный пріятелемъ Карамзина, Рихтеромъ, въ Москвѣ и изданный въ 1799—1802 гг. въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: *Briefe eines reisenden Russen.*

Путешествуя по Европѣ, Карамзинъ, по его словамъ, «посвящалъ вниманіе свое натурѣ и человѣку, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ». Вкусъ и пониманіе природы развились у Карамзина въ значительной степени подъ вліяніемъ иностранной литературы. Еще въ 1787 г. Петровъ возставалъ противъ его «равнодушія къ пріятностямъ сельскимъ» и задавалъ ему вопросъ: «какъ можетъ находить вкусъ въ беллетрахъ, въ искусственномъ подражаніи прекрасной натурѣ тотъ, кто въ самомъ оригиналѣ не находитъ пріятностей, когда оный представляется ему въ лучшемъ видѣ?...» Самъ Карамзинъ замѣчаетъ въ *Письмахъ*, что «весна не была бы для него такъ прекрасна, если бы Томсонъ и Клейстъ не описали всѣхъ красотъ ея». За границей интересъ къ природѣ значительно возросъ у Карамзина, особенно въ Швейцаріи, гдѣ онъ проводилъ цѣлые дни въ ходьбѣ по горамъ и въ наслажденіи прекрасными видами. Но тутъ его руководителемъ сначала былъ Беккеръ, который уже привыкъ къ горнымъ экскурсіямъ и подбодрялъ на первыхъ порахъ своего, скоро утомлявшагося, спутника. Недѣлю спустя Карамзинъ уже ходилъ одинъ съ проводникомъ въ Бернскихъ Альпахъ, смѣло взбирался по камнямъ на ледники, и хотя, оканчивая эту экскурсію, замѣчаетъ, что «ноги у него очень болятъ и лицо отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло», «но,—тотчасъ же прибавляетъ,—въ духѣ своемъ я бодръ и веселъ». Описанія альпійскихъ горъ, ледниковъ, водопадовъ— безспорно, лучшія картинки природы въ *Письмахъ*, и подобныхъ имъ не появлялось ранѣе въ русской литературѣ. Позже, живя въ Женевѣ, Карамзинъ, «взявъ въ карманъ лундора три и записную книжку, часто странствовалъ по Савойи, Швейцаріи или Pays de Gex и дня черезъ четыре возвращался въ Женеву». Любилъ онъ бродить и въ окрестностяхъ Парижа, отдыхая въ этихъ прогулкахъ отъ городской суеты и предаваясь своимъ мечтамъ и воспоминаніямъ. «Прекрасный лужокъ,—говоритъ онъ,—прекрасная рощица, прекрасная женщина, — однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ видѣ ни находилъ его»; «среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго счастія».

Но не природа была главнымъ, что влекло къ себѣ Карамзина въ Европѣ. «Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ»,—замѣчаетъ онъ, а въ дру-

томъ мѣстѣ говоритъ: «люблю большіе города и многолюдство... люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя, подобно китайскихъ тѣнямъ, мелькаютъ предо мною». «Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь,— поясняетъ онъ,— есть для меня... самый городъ», т.-е. его видъ, жизнь, движеніе. Но Карамзинъ не пропускалъ безъ вниманія и никакихъ достопримѣчательностей, способныхъ интересовать образованнаго туриста. Особенно привлекали его театры, которые посѣщалъ онъ усердно и въ Германіи, и во Франціи, и въ Лондонѣ. Въ Парижѣ въ теченіе перваго мѣсяца онъ «всѣ вечера безъ исключенія проводилъ въ спектакляхъ и потому мѣсяцъ не видалъ сумерекъ». Замѣтки о театральныхъ пьесахъ и объ игрѣ актеровъ занимаютъ не послѣднее мѣсто въ его *Письмахъ*. Осматривалъ онъ также музеи, картинныя галлереи, библіотеки, дворцы, церкви, больницы, школы, училища для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, дома сумасшедшихъ, инвалидные дома, тюрьмы и т. д.; въ Лейпцигѣ былъ онъ на лекціяхъ профессоровъ, въ Парижѣ—въ засѣданіяхъ академіи и національнаго собранія, въ Лондонѣ — въ собраніяхъ королевскаго общества наукъ и парламента, тамъ же — на судѣ присяжныхъ и т. д. Вездѣ онъ присматривался къ общественной жизни, къ характеру національностей, и его замѣчаніямъ въ этомъ отношеніи нельзя отказать въ наблюдательности и остроуміи. Восхваляя, напримѣръ, нѣмецкую науку и литературу, замѣчая, «что нигдѣ способы ученія не доведены до такого совершенства, какъ въ Германіи», онъ указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на прусскій милитаризмъ, на грубость и хвастовство прусскихъ офицеровъ, на привычку ихъ къ французскимъ словамъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, пристрастіе къ «экзерциціямъ» и т. д., рисуетъ типы нѣмецкихъ студентовъ, говоритъ о нѣмецкомъ «прямодушіи», нѣмецкомъ книжномъ дѣлѣ, берлинскомъ развратѣ и о «миловидныхъ нѣмкахъ». Особенно пріятное впечатлѣніе произвели на Карамзина французы; онъ посвящаетъ имъ спеціальную характеристику, существенно разнящуюся отъ Фонъ-Визинской. По словамъ Фонъ-Визина, «разсудка французъ не имѣетъ», «мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много», «всѣ авторы здѣсь достойны презрѣнія», «Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны», только «присоединяютъ къ сребролюбію безпримѣрное тщеславіе». Карамзинъ же замѣчаетъ: «Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтренѣе французовъ. Кажется, будто онъ выдумалъ или для него выдумано общежитіе; столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми... Французъ чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники непостоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти могутъ имѣть страшныя слѣдствія, чему примѣромъ служитъ революція»... Подробно говоритъ также Карамзинъ о характерѣ англичанъ, и его очеркъ ихъ особенностей: просвѣщенности, разсудительности, честности, добрыхъ нравовъ, «семейственной жизни» и, въ то же время, холодности, эгоизма, гордости, оригинальностей, сплина и т. д., можно сказать, надолго слился съ нашимъ представленіемъ объ этой націи.

Чувствуя потребность въ обществѣ, стремясь къ обмѣну идей и взглядовъ, Карамзинъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы получить доступъ въ литературные кружки, завязать знакомства среди интеллигентныхъ людей и побесѣдовать съ писателями и учеными. «Пріятно,—замѣчаетъ онъ,—видѣть того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались». Проѣздомъ черезъ Кёнигсбергъ Карамзинъ представляется Канту и говоритъ съ нимъ о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель, о природѣ и «нравственномъ законѣ» человѣка; въ Берлинѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ авторомъ и книгопродавцемъ Николаи, представляется поэту Рамлеру и говоритъ съ нимъ о нѣмецкой поэзіи, переводахъ классиковъ, театрѣ и лейпцигскихъ ученыхъ, видится съ профессоромъ Морицемъ (авторомъ очерковъ Англіи и Италіи) и т. д. Въ Лейпцигѣ онъ заводитъ знакомство съ профессорами Бекомъ, Платнеромъ и другими, обѣдаетъ съ ними въ трактирѣ *Голубаго Ангела* и разыскиваетъ въ сосѣдней деревнѣ писателя Вейсе, изъ *Друга дѣтей* котораго онъ переводилъ ранѣе въ Москвѣ. Въ Веймарѣ Карамзинъ спѣшитъ представиться Гердеру и Виланду, говоритъ съ ними о литературѣ, объ Италіи и ея памятникахъ искусства, о философіи и т. д.; стремится также проникнуть къ Гёте, но успѣваетъ только видѣть его, смотрящаго въ окно, такъ какъ на другой день утромъ поэтъ уѣхалъ въ Іену. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ Карамзинъ проводитъ цѣлый вечеръ съ однимъ докторомъ медицины и говоритъ съ нимъ о вліяніи тѣла на духъ и болѣзненности на преступленія. Въ Цюрихѣ бываетъ каждый день у Лафатера, съ которымъ познакомился заочно уже раньше, по перепискѣ изъ Москвы, и чрезъ его посредство знакомится съ другими швейцарскими профессорами и литераторами въ Цюрихѣ, Бернѣ и Лозаннѣ. Въ Женевѣ онъ получаетъ доступъ въ мѣстные «серкли», посѣщаетъ «лучшіе дома», имѣетъ нѣсколько свиданій съ Боннетомъ и обѣдаетъ неоднократно съ Верномъ, авторомъ *Voyageur sentimental*. Въ Парижѣ посѣщаетъ салонъ г. Гло..., жена котораго, ученая дама, «любитъ обходиться съ авторами», и встрѣчается тамъ съ литераторами, учеными аббатами, адвокатами, «умными англичанами» и т. д., и домъ г-жи Н., съ которой говоритъ о Швейцаріи, о Руссо, о счастіи простой жизни, о чувствительности, даже «о любви въ метафизическомъ смыслѣ», и пишетъ для нея русскіе стихи. Кромѣ того, онъ видится нерѣдко съ русскимъ посломъ, съ г. У., который «умѣлъ собрать прекрасную библіотеку и множество рѣдкихъ манускриптовъ на разныхъ языкахъ», а также знакомится съ Мармонтелемъ, Лагарпомъ, г-жей Вальянъ (супругой извѣстнаго путешественника въ южную Африку), представляется Бартелеми и Левеку и т. д.

Въ своемъ благоговѣніи предъ просвѣщеніемъ Запада Карамзинъ считаетъ за долгъ поклониться также праху умершихъ великихъ людей и, подобно другимъ энтузіастамъ того времени, обходитъ всѣ тѣ мѣста въ окрестностяхъ Лозанны, «въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ роман-

тическихъ любовниковъ» (въ *Новой Элоизѣ*) и посѣщаетъ (въ окрестностяхъ Парижа) Эрменонвиль, чтобы «видѣть мѣста, освященныя невидимымъ присутствіемъ генія, ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался, дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ, и нѣжною слезой меланхоліи оросить его гробницу». «Не забылъ я,—замѣчаетъ Карамзинъ,—Эрмитажа, сельскаго дома г-жи д'Епинѣ, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена *Новая Элоиза*... Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ *Эмиль*». Изъ Женевы Карамзинъ два раза посѣтилъ Ферней, «гдѣ жилъ сильнѣйшій изъ писателей нашего вѣка» (Вольтеръ). Живя въ Парижѣ, онъ счелъ необходимымъ сходить въ Отёль, «чтобы видѣть домъ, въ которомъ Буало писалъ сатиры свои», въ Пасси, «гдѣ жилъ Франклинъ», посѣтилъ могилы Расина, Паскаля, Декарта, Баттё, Малерба, Корнеля и друг. Въ бытность въ Лозаннѣ онъ побывалъ въ Твикнамѣ, «гдѣ жилъ и умеръ философъ и стихотворецъ Попъ», и внимательно осматривалъ Вестминстерское аббатство, гдѣ съ особымъ благоговѣніемъ преклонился предъ гробницами Шекспира и Ньютона.

Въ этихъ представленіяхъ и поклоненіяхъ было, конечно, не мало наивнаго. Въ Данцигѣ, напримѣръ, Карамзинъ хотѣлъ видѣть Транделенбурга, «чтобы,—говорилъ онъ,—поблагодарить его за греческую грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться» (послѣ, впрочемъ, Карамзинъ «не имѣлъ уже времени думать о греческомъ языкѣ»). Нѣкоторые изъ писателей, которымъ представлялся молодой русскій путешественникъ, относились къ нему сначала подозрительно; такъ, Виландъ принялъ его за одного изъ тѣхъ туристовъ-репортеровъ, «которые переѣзжаютъ изъ города въ городъ и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы все слышанное отъ нихъ напечатать; что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику». Тѣмъ не менѣе, и Виландъ потомъ смягчился, просилъ «увѣдомлять о себѣ» и обѣщалъ «всегда отвѣчать». Другіе, какъ Лафатеръ, Боннетъ, отнеслись къ Карамзину съ полною сердечностью и симпатіей. Въ бесѣдахъ съ этими знаменитостями ему приходилось, конечно, разсыпать не мало комплиментовъ. Лафатеру далъ онъ обѣщаніе издать на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій, хотя уже тогда сознавалъ, что едва ли найдется у насъ много читателей для такой книги. У Боннета онъ просилъ дозволенія перевести его *Созерцаніе природы* и *Палингенезію*, которыя, однако, такъ и остались не переведенными. Обращаясь къ разнымъ знаменитостямъ съ вопросами высшей философіи и морали, Карамзинъ, конечно, не надѣялся получить дѣйствительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, а руководился болѣе любопытствомъ (какъ въ этомъ онъ однажды и сознался), что скажетъ о такомъ-то вопросѣ такой-то. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія, что молодой 22-хъ лѣтній русскій юноша обладалъ такимъ многосторонним образованіемъ и, въ то же время, такою самоувѣренностью, что не стѣснялся обращаться къ выдающимся литераторамъ того времени, и не только былъ въ

состоянiи вести съ ними бесѣду, но и способенъ былъ внушить имъ уваженiе и симпатiи къ себѣ.

Говоря о различныхъ писателяхъ, театральныхъ пьесахъ, произведенiяхъ искусства и т. д., Карамзинъ сообщаетъ въ *Письмахъ* много интересныхъ литературныхъ свѣдѣнiй и здравыхъ эстетическихъ понятiй, какъ, напримѣръ, о достоинствахъ Шекспира и превосходствѣ его произведенiй надъ ложно-классическими французскими, о французской поэзiи и комедiи, о задачахъ эстетики, о «живописной» (описательной) поэзiи, объ англiйскихъ романистахъ, о разныхъ произведенiяхъ Руссо, Боннета, Шиллера, Виланда, о значенiи философiи Декарта, Вольтера, о взглядахъ Канта, Лафатера, о величавой простотѣ Гомера и его нѣмецкихъ переводахъ, о превосходствѣ античной скульптуры передъ французской, о знаменитыхъ итальянскихъ живописцахъ и т. д. Конечно, на ряду съ взглядами, соотвѣтствующими современнымъ, мы встрѣчаемъ въ *Письмахъ* и другiе, отражающiе на себѣ французскiе понятiя и вкусы XVIII в., но это было весьма естественно у человѣка, преклонявшагося передъ французскою образованностью и изяществомъ. Карамзину, напримѣръ, изъ всѣхъ спектаклей нравились наиболѣе французскiя мелодрамы; въ Парижѣ онъ ходилъ шесть дней сряду въ кармелитскiй монастырь, чтобы «видѣть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюня, таять сердцемъ и даже плакать» передъ этимъ «чудомъ несравненнаго искусства», особенная прелесть котораго состояла, однако, только въ томъ, что Лебрюнь, въ видѣ Магдалины, изобразилъ герцогиню Лавальеръ. Въ Версалiи (Версали) онъ находилъ «всѣ красоты, всѣ богатства архитектуры и ваянiя... совершенную гармонiю частей», и окончательно былъ прельщенъ «Булонскимъ увеселительнымъ домомъ графа д'Артуа», гдѣ «все нѣжно и сладострастно», гдѣ «на картинахъ улыбается любовь, а въ альковѣ кроются восторги». Нечего и говорить, что Карамзинъ не могъ интересоваться, напримѣръ, средневѣковымъ искусствомъ, видѣлъ вообще въ среднихъ вѣкахъ только варварство, не понималъ значенiя ни *Пантагрюэля* Рабле, ни *Похвалы глупости* Эразма и считалъ безвкусiемъ соединенiе (наприм., въ комедiи *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*) трогательнаго со смѣшнымъ.

Съ особеннымъ благоговѣнiемъ относился Карамзинъ къ Ж.-Ж. Руссо. Онъ называетъ его «величайшимъ изъ писателей осьмаго на десять вѣка», «единственнымъ авторомъ», «безсмертнымъ... женевскимъ гражданиномъ и философомъ», что не мѣшало ему, впрочемъ, замѣчать «много неестественнаго, много увеличеннаго» въ *Новой Элоизѣ* и привести отзывъ о Руссо Боннета, что это былъ «великiй риторъ» и «философiя его—воздушный замокъ». Высоко цѣнилъ Карамзинъ также Вольтера, признавая, что ни одинъ изъ писателей XVIII в. не имѣлъ такого вліянiя на своихъ современниковъ, и ставя ему въ особую заслугу, «что онъ распространилъ сiю взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣрiе, которому еще въ началѣ осьмаго на десять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ».

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Карамзинъ сознавалъ, что «въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя геній натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ», и что въ его *Заирѣ*, *Кандидѣ* и т. д. рядомъ съ «красотами» есть и слабыя стороны. Вліяніе философскихъ воззрѣній Вольтера и другихъ деистовъ на Карамзина можно подмѣтить во многихъ его взглядахъ, высказанныхъ въ *Письмахъ*. Такъ, онъ отказывается видѣть реликвіи св. Бонифація въ Майнцѣ, не находя въ нихъ «никакой прелести», иронизируетъ надъ католическими иконами и легендами, раздѣляетъ мнѣніе, что «духъ католицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ и налагаетъ цѣпи на разумъ», и признаетъ «странною» жизнь картезіанскихъ монаховъ, замѣчая, что человѣкъ созданъ для дѣятельности, и что «уединеніе пріятно только тогда, когда оно есть отдыхъ, но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству», и что «у человѣка-затворника усыпаютъ, наконецъ, всѣ благородныя побужденія, и онъ съ первой степени земнаго творенія ниспадаетъ въ сферу бездушныхъ тварей». Какъ деистъ, Карамзинъ былъ тронутъ замѣчаніемъ сюренской крестьянки, что «le bon Dieu est de toutes les réligions»; онъ обращался къ Божеству со словами: «Величественная природа... или ты, котораго назвать не умѣю» — и способенъ былъ настраиваться одинаково благоговѣйно какъ во французскомъ соборѣ и при католическомъ служеніи въ дрезденской придворной церкви, такъ и въ лондонскомъ соборѣ св. Павла и еще болѣе на вершинахъ Альповъ. Въ Лондонѣ, гдѣ «терпимъ всякій образъ вѣры», Карамзинъ заинтересовывается различными сектами и, между прочимъ, сектою квакеровъ. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ онъ присутствуетъ при служеніи въ еврейской синагогѣ, знакомится съ однимъ богатымъ евреемъ и проводитъ у него съ удовольствіемъ около двухъ часовъ, сожалѣетъ о разныхъ притѣсненіяхъ, которыя испытывали тогда въ Германіи евреи, возбуждаетъ восторгъ въ одномъ «жидѣ», сказавъ, что философъ Мендельзонъ былъ великій человѣкъ, и дѣлаетъ, между прочимъ, такое наблюденіе: «Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ, и жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе христіане. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе духа общественности, нежели въ другомъ народѣ».

Напитавшись идеями Руссо и Вольтера, Карамзинъ не могъ не сочувствовать свободѣ и въ своихъ *Письмахъ* даетъ тому многочисленныя доказательства. Онъ восхищается Швейцаріей, этою «землей свободы и благополучія», гдѣ, «кажется, самый воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее»; онъ завидуетъ «щастливымъ швейцарамъ», живущимъ «въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и служа одному Богу», «въ совершенной свободѣ и независимости». Не могъ, однако, не замѣтить Карамзинъ и нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ швейцарской «вольности»: онъ указываетъ, напримѣръ, на то, что въ Базелѣ народъ собственно «не имѣетъ законодательной власти»,

что въ Бернѣ «нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власть въ республикѣ», что въ Женевѣ нерѣдки «несогласія» и борьба между партіями. Все это, равно какъ и нѣкоторыя «несвѣтлыя» черты характера швейцарцевъ, не ослабляютъ его симпатіи въ маленькой республикѣ (Женевѣ), которой онъ желаетъ быть «многія, многія лѣта прекрасною игрушкой на земномъ шарѣ».

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвела на Карамзина Англія, хотя, побывъ въ ней, онъ также сталъ менѣе энтуазіастомъ въ отношеніи къ этой странѣ. «Отдаю англичанамъ справедливость,—говорилъ онъ,—хвалю ихъ, но похвала моя такъ холодна, какъ они сами»... «Видѣть Англію очень пріятно, обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствій общежитія есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ»... Карамзина поразилъ видъ довольства и изобилія въ странѣ, дѣятельность, порядокъ, чистота, особенно же просвѣщеніе и разсудительность англичанъ. «Здѣсь ремесленники читаютъ Юмову исторію, служанки—Іориковы проповѣди (Стерна) и Кларису (Ричардсона), здѣсь лавочникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ краснорѣчіи, здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ». Въ бытность Карамзина въ Лондонѣ происходили выборы въ парламентъ, и Карамзинъ описываетъ довольно подробно рѣчи кандидатовъ и порядокъ выбора въ Вестминстерѣ; у него приведено также описаніе парламента и хода засѣданій въ Нижней Палатѣ, причемъ онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Членовъ числомъ 558, палицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человѣкъ говорятъ когда-нибудь, всѣ прочіе нѣмы, иные, можетъ быть, и глухи, но дѣла идутъ своимъ порядкомъ и хорошо. Умные министры правятъ, умная публика смотритъ и судитъ». Съ любопытствомъ разсматривалъ Карамзинъ «оригиналъ Магны Харты, или славный договоръ англичанъ съ ихъ королемъ Іоанномъ, заключенный въ XIII вѣкѣ и служащій основаніемъ ихъ конституціи. Спросите у англичанина, въ чемъ состоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ: «я живу, гдѣ хочу; увѣренъ въ томъ, что имѣю; не боюсь ничего, кромѣ законовъ». Говоря о конституціи, Карамзинъ высказываетъ еще такое замѣчаніе: «законы хороши, но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы. Напримѣръ, англійскій министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно: сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста и члены парламента готовы служить ему... Но важно то, что министръ всегда долженъ быть отмѣнно умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скораго отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщенны, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и если бы какой-нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ, не кон-

«ституція, а просвѣщеніе англичанъ есть истинный ихъ палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображаемы съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ... Впрочемъ, всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно».

Съ особеннымъ уваженіемъ отнесся Карамзинъ къ англійскому суду присяжныхъ. «Здѣсь, друзья мои,—пишетъ онъ,—отдайте пальму англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для смягченія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей». Разсказавъ затѣмъ «порядокъ слѣдствій», ходъ «формальнаго дѣла», обязанности присяжныхъ, онъ продолжаетъ: «Если скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія... Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другаго!... Не только осудить, но даже и судить нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то англичане и хвалятся своими уголовными законами...»

Усвоивъ себѣ европейское образованіе, Карамзинъ относился къ Европѣ какъ европеецъ, считалъ Европу «нашею» и раздѣлялъ мысль, что русскіе должны быть, прежде всего, *людьми*, а потомъ уже славянами. «Все народное,—выразился онъ,—ничто передъ человѣчествомъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ!» Карамзинъ восторгался петровскою реформой, защищалъ ея необходимость даже въ подражаніи европейскому покрою платья, бритью бороды и т. под., и чтилъ Петра какъ «благодѣтеля человѣчества», открывшаго русскимъ «всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ» и разорвавшаго завѣсу, «которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго». При этомъ, однако, Карамзинъ отнюдь не раздѣлялъ господствовавшаго тогда въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ обезьянничанья и постояннаго употребленія французскаго языка. «Всѣ хорошо воспитанные англичане,— замѣчаетъ онъ,— знаютъ французскій языкъ, но не хотятъ говорить имъ... Какая розница съ нами! У насъ всякій, кто умѣетъ только сказать: comment vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ французскій языкъ, чтобы съ русскимъ не говорить по-русски; а въ нашемъ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ безъ французскаго языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? Зачѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ, право, не хуже другихъ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, поискали въ немъ выраженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши остроумцы, которые хотятъ быть французскими авторами. Бѣдные! они счастливы тѣмъ, что французъ скажетъ о нихъ: pour un étranger, monsieur, n'écrit pas mal!»

Восторгаясь и увлекаясь европейскою культурой и образованностью, Карамзинъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, не забывалъ за границею Россіи вспоминалъ о ней безпрестанно и готовился къ просвѣщенному ей служенію въ будущемъ. Онъ заступается за русскій народъ передъ двумя своими спутниками нѣмцами, начавшими бранить въ разговорѣ между собою русскихъ на пути между Митавой и Полангеномъ. Въ бесѣдахъ съ Виландомъ, съ лейпцигскими профессорами, съ Морицемъ, съ Бонпетомъ онъ не упускаетъ случая поговорить о русскомъ языкѣ и литературѣ, пожалѣть о недостаточномъ развитіи послѣдней или похвалиться переводами выдающихся иностранныхъ произведеній на русскій языкъ. Онъ даетъ самый благопріятный отзывъ о Россіи одной французской графинѣ и ея мужу, желавшимъ эмигрировать. Онъ сравниваетъ Петра Великаго съ Людовикомъ XIV и отдаетъ преимущество первому. Въ пѣсняхъ горныхъ жителей Швейцаріи «я нахожу,—говоритъ онъ,—нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными». Выѣзжая изъ Юры въ «пространныя равнины» Франціи, присутствуя на гуляньи въ Булонскомъ лѣсу, наслаждаясь игрою актера Моле, онъ всюду вспоминаетъ Россію и Москву. Въ аббатствѣ св. Діонисія въ Парижѣ онъ напрасно ищетъ, въ числѣ другихъ королевскихъ мавзолеевъ, «гробницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I»; въ засѣданіи парижской академіи онъ знакомится съ Левекомъ, авторомъ *Исторіи Россіи*, и глубоко сожалѣетъ при этомъ, что «у насъ нѣтъ хорошей россійской исторіи, то-есть написанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ». Высоко цѣнилъ также Карамзинъ русскій языкъ. Извѣстно то мѣсто его *Писемъ*, въ которомъ онъ, сдѣлавъ мѣткую характеристику англійскаго языка, переходитъ въ дифирамбъ языку русскому, богатству котораго отдаетъ полную «честь и славу». Но, отдавая русскому языку должное, Карамзинъ признавалъ, что ему предстоитъ развиваться, что онъ долженъ, такъ же какъ и самъ народъ, усвоивать себѣ тѣ понятія, которыя были добыты европейскою цивилизаціей, и перенимать то, для чего у него не оказывается собственныхъ подходящихъ выраженій. Легкость, «пріятность» языка, близкаго къ разговорному (Карамзинъ характеризуетъ ее самъ французскимъ словомъ «élégance»), явившаяся результатомъ обширнаго знакомства съ иностранною литературой, продолжительнаго упражненія въ переводахъ и извѣстнаго литературнаго чутья и вкуса, составили важную заслугу Карамзина въ исторіи нашего словеснаго развитія. Въ *Письмахъ* мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ новыхъ словъ и выраженій, которыя получили затѣмъ гражданство въ нашемъ языкѣ. Таковы, напримѣръ, выраженія: «убивать время», «теряться душою», «сдѣлать употребленіе», «вліять на будущность», «отдать пальму», «достижимая цѣль», «чувство цѣлаго», «духъ общественности» и слова: «промышленность», «терпимость», «обдуманность», «трогательный», «сосредоточить», «оттѣнокъ», «положеніе» (situation), «развитіе» (характера), «непосредственно», «утонченный» и т. д. или перенесенныя въ русскій языкъ иностранныя названія: «рельефъ», «диллижансъ», «тро-

туаръ», «реформа», «лавина», «глетчеръ», «тостъ», «пудингъ», «сплинъ», «іереміады», «фрагментъ», «отель», «каламбуръ», «эскизъ», «моральный», «эстетическій», «энтузіазмъ», «рецензія» и т. п. Немногіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «реверберъ», «потаты», или «намостъ» (вмѣсто «бульвара»), «жалостливыя сестры», «живописная поэзія» (вмѣсто «описательная»), «приборы» (вмѣсто мебель) — не удержались послѣ Карамзина, какъ и «постильонъ» уступилъ впослѣдствіи мѣсто «почтальону». Вообще же Карамзинъ отличался значительнымъ тактомъ въ усвоеніи иностранныхъ словъ и въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо выше нѣкоторыхъ своихъ поклонниковъ и послѣдователей, а также и предшественниковъ (такъ, наприм., Фонъ-Визинъ употреблялъ еще слова: консидерація, апробація, эстима и проч.).

Слабая сторона карамзинскихъ писемъ заключалась въ маломъ интересѣ ихъ автора къ народной жизни, къ быту и потребностямъ народныхъ массъ, къ этнографическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Впрочемъ, и у иностранныхъ путешественниковъ того времени мы встрѣчаемъ сравнительно малый интересъ къ народной жизни и быту. Что касается Карамзина, то онъ жилъ въ этотъ періодъ своей юности, главнымъ образомъ, литературными и художественными интересами и поѣхалъ за границу для того, чтобы наслаждаться «красотами» природы и искусства и собирать пріятныя впечатлѣнія въ общеніи съ европейскою культурой и образованностью. «Путешествіе,— замѣчаетъ онъ,—питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй ипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей ипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество!» Но, при такомъ взглядѣ на путешествіе, быть темныхъ и необразованныхъ народныхъ массъ, проза рабочей жизни, темныя стороны соціальныхъ отношеній не могли привлекать къ себѣ особенное вниманіе наблюдателя. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Карамзинъ никогда не задумывался за границей надъ бытомъ народа, надъ темными сторонами соціалькой жизни, не замѣчалъ людскаго горя и бѣдности. Онъ отмѣтилъ, напримѣръ, «цвѣтущее состояніе швейцарскихъ земледѣльцевъ» и объяснилъ его малымъ числомъ платимыхъ ими налоговъ, но онъ видѣлъ тамъ и «жилища бѣдности, невѣжества» и утѣшаетъ себя тѣмъ, что, «можетъ быть», это жилища «спокойствія». Онъ видѣлъ бѣдность, нечистоту и множество нищихъ въ Савойѣ, называетъ эту страну «несчастною», но объясняетъ это явленіе исключительно лишь лѣностью народа. Во Франціи, по дорогѣ въ Парижъ, путешественники «на каждой станціи были окружены нищими». «Товарищъ нашъ, французъ,—замѣчаетъ Карамзинъ,—говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и потому недостойны сожалѣнія, но я не могу спокойно ни обѣдать, ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!» Бросилась Карамзину въ глаза бѣдность и при въѣздѣ въ Парижъ, въ предмѣстьи св. Антуана, и въ Лондонѣ, гдѣ, — говоритъ онъ, — она еще несчастнѣе, такъ какъ у англичанъ есть правило: «кто у насъ бѣденъ, тотъ недостоинъ лучшей доли». «Правило ужасное,—замѣчаетъ онъ,—

здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпитъ и должна таиться! Ахъ, если хотите еще болѣе угнести того, кто угнетенъ нищетою, пошлите его въ Англію: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилія и кучами разсыпанныхъ гиней, узнаетъ онъ муку Тантала!... И какое ложное правило! Развѣ стеченіе бѣдъ не можетъ и самаго трудолюбиваго довести до сумы? Напримѣръ, болѣзнь...» Чувствительное сердце Карамзина не могло выносить сценъ людскаго горя, нищеты и несчастія. Проѣзжая одну швейцарскую деревню и будучи свидѣтелемъ поимки вора, молодаго нѣмца изъ Германіи, укравшаго два талера, Карамзинъ трогается слезами и мольбами юноши и проситъ швейцарцевъ освободить его или, по крайней мѣрѣ, наказать возможно мягче. Осматривая лондонскую тюрьму Пьюгетъ (Newgate) Карамзинъ хвалитъ «попечительность англійскаго правительства», но замѣчаетъ, что «лучше, если бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ», и признаетъ «ужаснымъ», что въ той же тюрьмѣ, только въ другомъ отдѣленіи, сидятъ «бѣдные должники», можетъ быть, разорившіеся «добрые люди», принужденные, однако, «видѣть передъ своими окнами казнь злодѣевъ». Едва ли Карамзинъ не склоненъ былъ сочувствовать мнѣнію одного доктора медицины, съ которымъ онъ велъ бесѣду во Франкфуртѣ и который доказывалъ, что «преступниковъ, вмѣсто наказанія, слѣдовало бы отсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми людьми и полезными гражданами». Въ то время какъ Фонъ-Визинъ, напримѣръ, отмѣтилъ «скотиноватость» простаго французскаго народа и былъ крайне возмущенъ дерзкимъ поведеніемъ французскихъ слугъ, этихъ «подлыхъ скотовъ», по его выраженію, которые даже не встаютъ передъ гостями въ передней, Карамзинъ велъ бесѣду съ лондонскими служанками о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ, отмѣтилъ фактъ, что женевскіе парихмахеры твердятъ наизусть цѣлыя тирады изъ Вольтера, и обрисовалъ личности двухъ парижскихъ лакеевъ, внушающихъ симпатію своею честностью, сознаніемъ собственнаго достоинства и стремленіемъ къ высшему духовному развитію. Но вообще онъ признавалъ соціальнымъ закономъ, что бѣдность и грязные пороки есть удѣлъ низшихъ слоевъ общества. Упомянувъ о «подземельныхъ тавернахъ» или «питейныхъ домахъ, гдѣ веселится подлая лондонская чернь», онъ замѣчаетъ: «Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ серединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бываютъ столь же противны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ». Бесѣда съ одною нищею старухой, нашедшею себѣ пристанище въ развалинномъ замкѣ «Мадридъ», въ Булонскомъ лѣсу, навела Карамзина на такія мысли: «Сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Можетъ ли нещастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жестокихъ,—можетъ ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце, вашею красотой, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится, всегда, вездѣ томится...» И Карамзинъ желаетъ несчастному «сокрыться»—«туда, гдѣ добрые не тоскуютъ, гдѣ волны океана, океана

вѣчности, прохлаждаютъ истлѣвшее сердце!»... Русскій путешественникъ склоненъ былъ раздѣлять взглядъ Руссо на блаженство первобытнаго состоянія, «когда всѣ люди были пастухами (?) и братьями», хотя въ примѣчаніи къ этому мѣсту и поставилъ иронический вопросъ: «когда же?» Съ другой стороны, онъ глубоко вѣрилъ въ плодотворную силу просвѣщенія, въ постепенное возвышеніе и духовное совершенствованіе человѣка, и питалъ надежду, что «когда свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю, проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества, тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственныя гарпіи, тогда, можетъ быть, настанетъ златой вѣкъ поэтовъ, и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ» (*Нѣчто о наукахъ* въ *Аѳинѣ* 1793 г.).

Какъ на одну изъ слабыхъ сторонъ *Писемъ*, указывали на поверхностное отношеніе ихъ къ событіямъ во Франціи, которыхъ былъ свидѣтелемъ Карамзинъ, не обладавшій, повидимому, ни особымъ интересомъ къ тому, что происходило тогда во французской монархіи, ни желаніемъ вникнуть глубже въ причины совершавшагося передъ нимъ переворота. Но отношеніе Карамзина къ этимъ событіямъ было такое же, какъ и многихъ тогдашнихъ образованныхъ нѣмцевъ (наприм., его спутника, доктора медицины Беккера, Лафатера, даже знаменитаго Гёте), а также и значительной доли образованнаго французскаго общества, въ которомъ приходилось вращаться русскому путешественнику. Нельзя не признать вѣроятнымъ и предположенія Карамзина, что Руссо, «чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ, объявилъ бы себя первымъ врагомъ революціи», если бы дожилъ до ея кровавыхъ сценъ. Какъ бы то ни было, въ *Письмахъ* Карамзина мы не находимъ указаній на темныя стороны монархической Франціи, какія были подмѣчены, напримѣръ, за десять лѣтъ раньше Фонъ-Визинымъ, который въ своихъ *Письмахъ* говоритъ о развращенности французскаго дворянства и духовенства, о «сущемъ рабствѣ» народа, объ отсутствіи правосудія, о злѣ откуповъ и продажѣ должностей, объ отсутствіи дисциплины, о томъ, что въ Парижѣ «почти каждый день вѣшаютъ и колесуютъ», и т. п. Невѣроятно, чтобы Карамзину были неизвѣстны эти темныя стороны до-революціонной Франціи, но онѣ, повидимому, не могли затмить въ его глазахъ того факта, что «французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ», и что «подъ ея мирною сѣнью возростали науки и художества, жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ». Карамзинъ указываетъ, какъ на плоды французскаго просвѣщенія, на отличное состояніе во Франціи почтъ, дорогъ, прекрасные госпитали, образцовый домъ инвалидовъ, обширные библіотеки, музеи, развитіе литературы, искусства и т. д. Съ другой стороны, онъ раздѣлялъ взглядъ, что «насильственныя сотрясенія гибельны» и что «утопія будетъ всегда мечтою добраго сердца или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ мед-

лепныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ». Нельзя не признать также извѣстной доли правдоподобія въ замѣчаніи Погодина, что «Карамзинъ отзывался о политикѣ съ особенною осторожностью, потому что французская революція распространила вездѣ ужасъ, и императрица Екатерина принимала у себя строгія мѣры». Участь Радищева и Новикова съ его друзьями, пострадавшихъ въ 1790 и 1791 гг., дѣйствительно, должна была служить краснорѣчивымъ предостереженіемъ Карамзину и заставила его, можетъ быть, выбросить изъ *Писемъ*, при ихъ печатаніи, нѣсколько неудобныхъ фактовъ и подробностей, или вставить, наоборотъ, два-три лишнихъ замѣчанія въ благонамѣренномъ духѣ. Любопытенъ разсказъ одного современника, присутствовавшаго вмѣстѣ съ Карамзинымъ, по возвращеніи послѣдняго изъ-за границы осенью 1790 г., на обѣдѣ у Державина. Карамзинъ «выражалъ за обѣдомъ нѣкоторыя мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ общепринятымъ въ Россіи образомъ мыслей. Жена Державина, подлѣ которой онъ сидѣлъ, дала ему знакъ пожатіемъ ноги, чтобы онъ выражался поосторожнѣе».

Въ отношеніи Карамзина къ французской революціи интересно прослѣдить постепенный ходъ вызванныхъ въ немъ ею впечатлѣній. 28 іюля 1789 года, по пріѣздѣ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, Карамзинъ посѣтилъ (вѣроятно, съ цѣлью размѣна векселя) банкира Вилламера. «Мы говорили съ нимъ,—говоритъ онъ,—о новыхъ парижскихъ происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А. (Алексѣй Кутузовъ) видѣть въ Парижѣ такія сцены?» Нѣсколько дней спустя въ Дармштадтѣ Карамзинъ обѣдалъ за общимъ столомъ въ трактирѣ и слышалъ, какъ одинъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Страсбурга, «подробно разсказывалъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней предъ симъ бунтовала тамошняя чернь». Еще нѣсколько дней, и Карамзинъ уже во Франціи, въ Страсбургѣ: «Вездѣ въ Эльзасѣ,—пишетъ онъ,—примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ. Постмейстеры, постиліоны, бабы говорятъ о революціи. А въ Страсбургѣ начинается новый бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются офицеровъ, пьютъ въ трактирахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и проч. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ прелата и принудила его пить пиво изъ одной кружки съ его кучеромъ за здоровье націи. Офицеры сидятъ подъ окномъ и смѣются, смотря на пепстовыхъ... Между тѣмъ, въ самыхъ окрестностяхъ Страсбурга толпы разбойниковъ грабятъ монастыри. Сказываютъ, что по деревнямъ ѣздилъ какой-то человѣкъ, который называлъ себя графомъ д'Артуа и возбуждалъ поселянъ къ мятежу». Въ Базелѣ Карамзинъ встрѣчаетъ уже эмигрантовъ и присутствуетъ при трогательной сценѣ свиданія родителей съ взрослыми дѣтьми послѣ спасенія отъ бунтующихъ поселянъ. Въ Лозаннѣ Карамзинъ завтракаетъ у Левада съ двумя французскими маркизами, пріѣхавшими изъ Парижа, которые,—пишетъ онъ,—

«сообщили мнѣ весьма худое понятіе о парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, видя нагой трупъ несчастнаго дю-Фулона, терзаемый на улицѣ бѣшенымъ народомъ, восклицали: «какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!» И маркизы разсказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ! У меня сердце поворотилось». Въ мартѣ 1790 г., пріѣхавъ въЛіонъ, Карамзинъ былъ свидѣтелемъ, какъ драка какого-то старика со старухой привлекла толпу, которая схватила старика и повела его à la lanterne (на висѣлицу), какъ отрядъ національной гвардіи отнялъ старика и какъ народъ требовалъ выдачи виновнаго. «Тѣ, которые наиболѣе шумѣли, были нищіе и празднолюбцы, не хотящіе работать съ эпохи такъ называемой французской свободы». Всѣ подобныя сцены и разсказы такъ подѣйствовали на Карамзина, что, отправившись далѣе по Сенѣ въ лодкѣ и видя по берегамъ «прекрасныя деревеньки, сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями, вездѣ трудолюбіе и богатые плоды его», онъ воображаетъ себѣ «первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ», когда «люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ», и у него является предположеніе, что, «можетъ быть, въ теченіе времени, сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ», что Франція, «сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство», будетъ разорено, упадетъ до состоянія какого-нибудь Египта или Сиріи и уступитъ мѣсто «новымъ политическимъ обществамъ», можетъ быть, «въ срединѣ Африки или въ Канадѣ».

Наконецъ, Карамзинъ пріѣзжаетъ въ Парижъ и погружается въ омутъ его кипучей жизни. Скоро онъ узнаетъ, что «Парижъ теперь не то, что онъ былъ... Грозная туча носится надъ его башнями и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго города...» «Ужасы революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли, а тѣ, которые здѣсь остались, живутъ, по большей части, въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ; хорошее общество (la bonne compagnie) разсѣялось. Аббатъ Н., «идучи съ нимъ по улицѣ St.-Honoré», указывалъ ему «большіе дома, которые стоятъ нынѣ пустые», но въ которые съѣзжались нѣкогда «модныя дамы, знатные люди, славнѣйшіе остроумцы (beaux esprits)». «Порядочный человѣкъ,—говорилъ аббатъ,—не знаетъ теперь, куда дѣваться, что дѣлать и какъ провести вечеръ». Но тотъ же аббатъ объяснилъ далѣе, что «французы уже давно разучились веселиться въ обществахъ», что много зла причинилъ Жанъ Ла (Джонъ Лоу) съ его проектомъ ассигнацій, что съ тѣхъ поръ «истинная французская веселость исчезла», «и,—продолжалъ аббатъ,—я не знаю, къ чему бы мы, наконецъ, должны были прибѣгнуть отъ скуки, если бы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ революціи». Въ салонѣ у г-жи Гло... Карамзинъ долго слушалъ одного адвоката, который хвастался, что если бы его сдѣлали министромъ, онъ уплатилъ бы въ 6 мѣсяцевъ всѣ долги Франціи, умножилъ втрое доходы ея и т. д. «Такихъ говоруновъ,—замѣчаетъ Карамзинъ,—теперь тьма въ Парижѣ, а особливо подъ аркадами въ Пале-Роялѣ». Въ

придворной церкви, въ Тюльери, Карамзинъ видѣлъ короля и королеву. «Всѣ люди смотрѣли на нихъ, иные вздыхали, утирая глаза своими бѣлыми платками, другіе смотрѣли безъ всякаго чувства и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню». Въ день Св. Духа Карамзинъ былъ во дворцѣ и видѣлъ, какъ любопытные, «съ величайшимъ небреженіемъ одѣтые люди» съ шумомъ бѣгали по заламъ, не обращая вниманія на попытки придворныхъ лакеевъ остановить ихъ. Въ письмѣ отъ апрѣля 1790 г. Карамзинъ говоритъ всего подробнѣе о французской революціи. «Вы читаете газеты,—пишетъ онъ,—слѣдственно происшествія вамъ извѣстны... Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время отъ зефирныхъ французовъ?... Не думайте, однако-жь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки, какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки, какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что-нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ счастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Пятая часть *Писемъ*, въ которой помѣщено это замѣчаніе, вышла въ 1799 г., при императорѣ Павлѣ, когда цензура, по выраженію Карамзина, стояла какъ черный медвѣдь на дорогѣ и ко всему придиралась. Впрочемъ, есть всѣ основанія думать, что такой взглядъ на революцію былъ у Карамзина вполнѣ искреннимъ, и что онъ, по своему воспитанію, убѣжденіямъ и взгляду на народный мятежъ (Пугачевскій бунтъ былъ ему, конечно, хорошо извѣстенъ) и не могъ относиться иначе.

Карамзинъ былъ въ Парижѣ еще въ періодъ затишья передъ грозой и уже послѣ его возвращенія въ Москву настали ужасы террора. Они произвели на него страшное впечатлѣніе, заставили во многомъ разочароваться и повергли въ тоскливыя мечты относительно будущаго. Но, какъ оптимистъ по природѣ и направленію своего ума, онъ нашелъ скоро и успокоеніе. «Можетъ быть, то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ,—замѣчаетъ онъ,—есть чудесное согласіе для ангеловъ; можетъ быть, то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена, что природа человѣка болѣе усовершенствуется. Все неправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не страшится времени»... Карамзинъ, какъ и многіе въ то время, боялся, что ужасы революціи вызовутъ реакцію противъ философіи, противъ науки и просвѣщенія, и считалъ своимъ долгомъ всячески распространять убѣжденіе въ пользѣ и безопасности свѣта и знанія. Онъ обращается къ тѣмъ, «которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ», и убѣждаетъ ихъ «любить науки и не думать, чтобы онѣ могли быть вредны, чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться

въ грубомъ невѣжествѣ». «Кто наслаждается искусствами и науками, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ». «Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго съ общимъ, открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лѣкарство для испорченнаго сердца и разума, спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества». *).

Глубоко уважая просвѣщеніе, смотря на него какъ на великое средство къ облагороженію и усовершенствованію человѣчества, Карамзинъ мало вѣрилъ въ благотворность учрежденій или, точнѣе, формъ гражданскаго устройства, какъ существенныхъ гарантій народнаго благосостоянія. Мы видѣли выше, что и благотворность англійской конституціи онъ признавалъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку она опирается на просвѣщеніе **). Мысль о воспитательномъ значеніи учрежденій была, очевидно, чужда Карамзину; съ другой стороны, онъ не могъ примириться съ тѣмъ фактомъ, что достиженіе извѣстныхъ гарантій права и свободы невозможно иногда иначе, какъ путемъ борьбы. Онъ склоненъ былъ скорѣе предоставить все «плану Провидѣнія». «Когда люди убѣдятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны... Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію. Оно, конечно, имѣетъ свой планъ, въ его рукѣ сердца государей, и довольно». Въ этомъ отношеніи Карамзинъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, которые хотя также не одобряли попытокъ ограниченія власти «репрезентаціей народа» и конституціей, но, все-таки, признавали (какъ, наприм., Карамзинъ), что «время замѣнитъ религіозное къ престолу почтеніе другимъ, основаннымъ на законахъ», и что «единоначаліе становится идеаломъ общественнаго управленія» лишь тогда, когда оно опирается на «ненарушимый завѣтъ» законовъ, на «разумъ государства» и даетъ просторъ «общественному мнѣнію», т.-е. признаетъ «свободу всякому выражать свои воззрѣнія на вещи въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати».

---

*) Статьи: *Нѣчто о наукахъ* въ *Аѳинѣ* 1793 г. и *Переписка Мелодора и Филалета* въ *Аѳинѣ* 1794 г.

**) Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи замѣчаніе Карамзина съ замѣчаніями проф. Морица, его современника, которому Карамзинъ отчасти подражалъ въ своихъ *Письмахъ*. Описывая парламентъ и избраніе депутата въ него отъ Вестминстера, Морицъ въ письмѣ къ другу говоритъ: „Видя, какъ здѣсь самый послѣдній работникъ оказываетъ свое участіе во всѣхъ (политическихъ) происшествіяхъ, какъ малыя дѣти входятъ уже въ духъ народа, какъ всякій обнаруживаетъ свое чувство, что и онъ человѣкъ и англичанинъ, также какъ король и его министръ,—видя, говорю, все это, находишь въ себѣ чувствованія совершенно отличныя ото тѣхъ, съ которыми смотримъ мы въ Берлинѣ на ученье солдатъ". См. *Путешествіе г. Морица по Англіи*. М., ч. I, 1804 г., стр. 88—89.

IV.

Поклонники, подражатели, критики и антагонисты автора «Писемъ русскаго путешественника».

Письма Карамзина произвели сильное впечатлѣніе на русское общество. Они вызвали массу поклонниковъ и рядъ подражателей, а съ другой стороны и не мало антагонистовъ, неодобрявшихъ нововведенія въ языкѣ, осмѣивавшихъ сантиментальный тонъ *Писемъ* или даже заподозривавшихъ автора ихъ въ неблагонамѣренности.

Прежде всего, *Письма* обратили на себя вниманіе своимъ легкимъ, пріятнымъ языкомъ и своею привлекательною чувствительностью. Въ языкѣ *Писемъ* увидали нѣчто новое, неизвѣстное въ русской литературѣ раньше. Такъ, П. В. Лопухинъ, въ предисловіи къ своему сочиненію: *Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія*, и т. д., напечатанному безъ имени автора въ 1794 г., прося читателя объ извиненіи «слабости пера» своего, замѣчаетъ, что онъ изложилъ бы гораздо болѣе сильно и «разительно» свои чувства и мысли, «ежели бы имѣлъ привлекательной, важной, живой, новой слогъ любезнаго путешественника россійскаго». Въ томъ же году, въ журналѣ *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, изд. Подшиваловымъ (однимъ изъ бывшихъ товарищей Карамзина въ періодъ переводческой дѣятельности у Новикова), помѣщено было чье-то письмо съ предложеніемъ стиховъ для журнала и съ увѣдомленіемъ, что если стихи понравятся, «есть ли чувствительной, нѣжной, любезной и привлекательной нашъ Стернъ, читая ихъ, произнесетъ: *изрядные*, то я постараюсь и впредь доставлять», а въ выноскѣ объяснено, что подъ «Стерномъ» разумѣется «почтенный нашъ господинъ издатель *Московскаго Журнала* и сочинитель *Аглаи*». Въ 1796 г. въ *Сокращенномъ курсѣ россійскаго слога*, изд. ученикомъ Подшивалова, Скворцовымъ, уже приводятся въ качествѣ образцовъ отрывки изъ произведеній Карамзина, помѣщенныхъ въ *Московскомъ Журналѣ*, хотя еще и безъ упоминанія имени автора (можетъ быть, потому, какъ думаетъ Гротъ, что въ это время, въ концѣ 1795 г., ходили о Карамзинѣ «разные слухи, разсѣянные злобой и глупостью», напримѣръ, будто онъ сосланъ, и что вообще выставленіе имени Карамзина въ учебникѣ могло казаться въ это время не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ). Въ томъ же курсѣ объясняется, что хорошій стилистъ тотъ, кто пишетъ правильно и пріятно, и что «особливую составляетъ пріятность стиль французской, ото всѣхъ нынѣ принимаемой». Подъ этими «всѣми» слѣдуетъ, очевидно, разумѣть Карамзина, Дмитріева и другихъ, сочувствовавшихъ имъ, молодыхъ писателей. Въ 1799 г., по словамъ Каменева, старые московскіе пріятели Карамзина (Тургеневъ, Лопухинъ и т. д.), продолжая считать Хераскова *старостою* русской литературы, называли уже молодаго путешественника-беллетриста *десятникомъ* ея и совѣтовали начинавшимъ свое литературное поприще представиться

Карамзину и познакомиться съ нимъ, какъ съ новымъ литературнымъ свѣтиломъ.

Скоро слава Карамзина распространилась и за предѣлами Москвы. Въ *С.-Петербургскомъ Журналѣ*, издававшемся И. Пнинымъ, въ майской книжкѣ за 1798 г. было помѣщено небольшое стихотвореніе: *Къ сочиненіямъ Г. Карамзина*, за подписью «—въ», такого содержанія:

„Гремѣлъ великой Ломоносовъ
И восхищалъ сердца побѣдоносныхъ Россовъ
Гармоніею струнъ своихъ.
„Въ твореніяхъ теперь у нихъ
Пусть нѣжность улыбнется,
Въ сердца чувствительныхъ прольется!“
Сказали Граціи, и полилась она
Съ пера Карамзина“.

По словамъ Ѳ. Н. Глинки, *Мои бездѣлки* (подъ этимъ названіемъ были перепечатаны въ 1793 г. статьи Карамзина изъ *Московскаго Журнала*) читались въ провинціи, что называется, «въ засосъ» и затверживались цѣлыми страницами наизусть. Тотъ же Глинка разсказываетъ, что, поступивъ затѣмъ въ первый кадетскій корпусъ (въ Петербургѣ), онъ былъ свидѣтелемъ, какъ кадеты читали и учили наизусть стихи и прозу Карамзина и даже высказывали желаніе сходить въ Москву и поклониться ихъ автору. Подобное же увлеченіе Карамзинымъ въ средѣ молодаго поколѣнія происходило и въ Москвѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ (впрочемъ, уже десятью годами позже) письмо попечителя московскаго учебнаго округа, Кутузова, къ министру Разумовскому. Въ письмѣ говорится, что сочиненія Карамзина «сдѣлались классическими», что автора ихъ «превозносятъ, боготворятъ», и что «во всемъ университетѣ, въ пансіонѣ, читаютъ, знаютъ его наизусть». Первое полное изданіе сочиненій Карамзина (книгопродавцемъ Ахоховымъ и К°) ожидалось публикой съ нетерпѣніемъ, о ходѣ его сообщалось въ журналахъ, а когда оно вышло (въ 8 частяхъ, въ 1804 г.), то журналъ *Патріотъ* (изд. Измайловымъ) посвятилъ ему (въ сентябрьской книжкѣ 1804 г.) большую рецензію, оправдывая ее тѣмъ, что «имя, заслуженное симъ писателемъ (Карамзинымъ); мѣсто, имъ занятое между лучшими авторами въ Россіи; вліяніе его на характеръ, вкусъ и языкъ нашей литературы... заставляютъ... увѣдомляя читателей о сихъ полныхъ сочиненіяхъ, представить нѣкоторыя размышленія для тѣхъ, которые любятъ слѣдовать за успѣхами отечественной словесности, столь тѣсно связанной съ успѣхами гражданскаго просвѣщенія».

«Эпоха, въ которую явился сей писатель,—говорится далѣе въ любопытной по своему времени рецензіи,—достойна замѣчанія. Быстрое теченіе ума человѣческаго ко всѣмъ свободнымъ и лучезарнымъ идеямъ, всеобщее распространеніе духа философіи, великія открытія во всѣхъ отрасляхъ гражданской науки и человѣческаго искусства, новое явленіе на западѣ, гдѣ одинъ многочисленный народъ обновлялъ законы древняго цар-

ства и возвращался къ первымъ началамъ гражданскаго порядка; въ Россіи блестящее царствованіе Екатерины II; ходъ просвѣщенія, ускоренный духомъ ея правленія, введеніе новыхъ законовъ, новыхъ мнѣній, новаго вкуса,—всѣ сіи соединенныя обстоятельства довели общества въ двухъ столицахъ Россіи до того утонченія идей, искусствъ и образа жизни, которое тогда было общимъ въ большей части Европы. Недоставало намъ только языка, ближайшаго къ тону разговора и общества, къ новымъ понятіямъ вѣка, къ новой вѣжливости нравовъ, котораго легкая пріятность могла бы побѣдить въ свѣтскихъ людяхъ, а особливо въ женщинахъ, непростительное предубѣжденіе противъ языка русскаго, который, наконецъ, могъ бы присвоить себѣ достоинства лучшихъ языковъ въ Европѣ. Не имѣя великой прозорливости, можно было предвидѣть, что первый писатель, который родится у насъ съ истиннымъ талантомъ, дастъ языку новое направленіе и сблизитъ его съ другими частѣйшими языками европейскими. Такимъ образомъ, духъ вѣка и народа имѣетъ въ началѣ столько же вліяніе на характеръ писателя, сколько писатель, впослѣдствіи и въ свою очередь, пріобрѣтаетъ вліяніе на духъ и языкъ народа. Г. Карамзинъ, авторъ съ отличнымъ талантомъ, обогащенный геніемъ науки и образованный вкусомъ свѣта, долженъ былъ произвесть и произвелъ сію перемѣну, которой нѣкоторымъ образомъ требовала и ожидала наша словесность. *Письма русскаго путешественника* были первымъ произведеніемъ юнаго таланта, и сдѣлали уже впечатлѣніе въ публикѣ. Но счастливѣйшія творенія автора, увѣнчанныя лестною похвалой, были двѣ его сказки: *Бѣдная Лиза* и *Наталья, боярская дочь*. Извѣстно, что послѣ первой повѣсти московскіе жители посѣщали тѣ мѣста, гдѣ авторъ выбралъ сцену своего маленькаго романа, писали надписи на корѣ деревъ и оставляли похвальные стихи на имя сочинителя». Затѣмъ въ рецензіи говорится о другихъ сочиненіяхъ Карамзина, о *Вѣстникѣ Европы*, которому «надлежало имѣть великое вліяніе на общественное мнѣніе и на успѣхи народнаго просвѣщенія», и въ которомъ авторъ «старался при всякомъ случаѣ возвысить въ россіянахъ чувство народнаго и человѣческаго достоинства», и о значеніи сочиненій Карамзина для молодыхъ людей, «которые хотятъ учиться трудному искусству писать».

Мнѣніе, что Карамзинъ произвелъ реформу языка, что онъ создалъ новый русскій слогъ, раздѣлялось всѣми его современниками, какъ поклонниками, такъ и противниками. Самый крупный изъ противниковъ, Шишковъ, признавалъ, что Карамзинъ «произвелъ нѣкоторую перемѣну въ слогѣ», что, впрочемъ, доказываетъ еще нагляднѣе самое *Разсужденіе* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ*, гдѣ подъ «новымъ слогомъ» разумѣлся именно слогъ Карамзина и его послѣдователей и подражателей. Съ своей стороны, Макаровъ, выступившій въ защиту Карамзина и противъ Шишкова въ *Московскомъ Меркуріи* 1803 г., заявлялъ: «Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ исторіи русскаго языка; такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ публика... Карамзинъ очистилъ, украсилъ

нашъ языкъ соотвѣтственно новымъ понятіямъ, которыхъ тысячи порождены въ умѣ нашемъ чужестранными обычаями; онъ старается образовать одинъ языкъ для книгъ и для общества, чтобы писать, какъ говорятъ, и говорить, какъ пишутъ». Двадцатью годами позже, въ *Полярной Звѣздѣ* 1825 г., А. Бестужевъ (Марлинскій) повторялъ тотъ же взглядъ на заслугу Карамзина: «Онъ преобразовалъ книжный языкъ русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталанныхъ писателей и невѣждъ переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизной ржавыя колеса его механизма, отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи и далъ ему народное лицо». Съ тѣхъ поръ это мнѣніе вошло въ учебники, но лѣтъ сорокъ тому назадъ оно стало вызывать нѣкоторыя возраженія, нѣкоторыя попытки умалить въ этомъ отношеніи заслуги Карамзина и передать значительную долю ихъ его предшественникамъ, особенно Новикову и его кружку. Такъ, Тимковскій въ его *Воспоминаніяхъ*, помѣщенныхъ въ *Москвитянинѣ* 1851 г., замѣтилъ, что «стоитъ составить по годамъ раціональный каталогъ всѣхъ изданныхъ компаніею Новикова трудовъ, сочиненій, переводовъ, эфемеридъ, чтобы увидѣть, какое обдуманное движеніе было дано литературѣ, слогу и слову. Это настоящая съ тѣмъ именемъ эпоха преобразованія языка, невѣдущими относимая на одно лицо Карамзина, который былъ тамъ молодымъ сотрудникомъ». Такой взглядъ склоненъ, повидимому, раздѣлять и Н. С. Тихонравовъ, выразившійся, что онъ «не видитъ преувеличенія» въ приведенныхъ словахъ Тимковскаго. Подобнымъ же образомъ, проф. Лавровскій, въ рѣчи, произнесенной имъ въ Харьковѣ въ 1867 г., по поводу празднованія столѣтія со дня рожденія Карамзина, замѣтилъ, что «если посмотрѣть на языкъ Карамзина съ внѣшней стороны, т.-е. на исключеніе изъ него церковно-славянской примѣси, на краткость и отрывочность предложеній, вообще на то сближеніе его съ языкомъ образованнаго общества, которое прежде всего ставятъ ему въ заслугу, то нельзя не замѣтить, что все это сдѣлано еще задолго до него... Если посмотрѣть на языкъ лучшихъ статей нашихъ сатирическихъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, на языкъ фонъ-Визина или хоть на языкъ *Вступленія къ почтѣ духовъ* Крылова, писаннаго въ 1789 г., то едва ли въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое различіе сравнительно съ языкомъ *Писемъ русскаго путешественника*; въ этомъ смыслѣ едва ли будетъ справедливо повторять старую фразу о преобразованіи Карамзинымъ литературнаго языка... Языкъ Карамзина, вовсе не новый по внѣшнему построенію фразы, былъ, дѣйствительно, новымъ по мыслямъ, чувствованіямъ и образамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился, и которые были плодомъ всего новаго образовательнаго содержанія, усвоеннаго имъ; онъ былъ, дѣйствительно, новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина...» Этотъ взглядъ г. Лавровскаго встрѣтилъ, однако, рѣшительное противорѣчіе въ академикѣ Гротѣ, который, не отрицая, что извѣстныя улучшенія въ русской письменной рѣчи начались еще до Карамзина, въ

сатирическихъ статьяхъ Новикова и Крылова и въ произведеніяхъ фонъ-Визина, привелъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе примѣры тому, что у всѣхъ этихъ писателей очень гладкія фразы смѣняются еще нерѣдко такими, «которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ», «шероховатостью выраженія», или «то пестрѣютъ славянизмами, то отзываются латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ», и что вообще языкъ у нихъ «неровный, разнохарактерный». Превосходство карамзинскаго слога и языка ясно видно также изъ сравненія произведеній Карамзина эпохи *Московскаго Журнала* съ одновременно появившимися другихъ авторовъ и переводчиковъ, напримѣръ, первыхъ *Писемъ русскаго путешественника* съ *Отрывкомъ чувствительнаго путешествія*, помѣщеннымъ въ первой книжкѣ *Чтенія для вкуса, разума и чувствованій*, начавшаго издаваться тоже въ 1791 г., или со *Стерновымъ путешествіемъ по Франціи и Италіи*, переведеннымъ «съ англійскаго подлинника» А. Колмаковымъ и изданнымъ въ 1793 г. Относясь къ одному и тому же времени, послѣднія два произведенія носятъ на себѣ, сравнительно съ *Письмами* Карамзина, гораздо болѣе архаическій характеръ въ своемъ языкѣ и слогѣ.

Пріятность карамзинскаго слога вызвала во многихъ, особенно молодыхъ писателяхъ, стремленіе ему подражать, какъ въ заимствованіи иностранныхъ словъ и въ составленіи новыхъ, такъ и въ подборѣ и расположеніи фразъ, въ изліяніи чувствованій и т. д. Но такая подражательность, при отсутствіи таланта, достаточнаго образованія и литературнаго развитія, вела нерѣдко только къ пустословію, безсодержательности, смѣшной сантиментальности и ко введенію такихъ заимствованныхъ или вновь составленныхъ словъ и выраженій, которые,—какъ замѣтилъ одинъ изъ болѣе образованныхъ послѣдователей Карамзина,—«отчасти непонятны, отчасти невыразительны, а отчасти смѣшны». Весьма естественно, что размноженіе такихъ писаній должно было вызвать протестъ и, притомъ, не только отъ лица приверженцевъ старины, поклонниковъ высокаго ломоносовскаго слога, но и со стороны лучшихъ представителей новаго литературнаго движенія, вполнѣ сочувствовавшихъ Карамзину, но не его безтактнымъ подражателямъ. Разница была только въ томъ, что карамзинисты, указывая на безсодержательность отдѣльныхъ произведеній или осмѣивая ихъ сюжетъ, тонъ и языкъ, не смѣшивали эти бездарныя подражанія съ ихъ образцами и видѣли въ нихъ только неумѣлость и безсиліе слѣдовать по новому, плодотворному пути, проложенному Карамзинымъ, тогда какъ защитники стараго слога, съ Шишковымъ во главѣ, видѣли въ этихъ произведеніяхъ бездарныхъ авторовъ поучительные образцы недомыслія, характерные для всего новаго направленія и вызванные примѣромъ самого Карамзина. И тѣ, и другіе были, съ своей точки зрѣнія, правы: въ оправданіе Шишкова, П. Львова и другихъ противниковъ новаго слога можно указать на тотъ фактъ, что *Письма* и *Бѣдная Лиза* Карамзина вызвали, дѣйствительно, массу бездарныхъ подражаній и чувствительныхъ изліяній,

изложенныхъ языкомъ, который выказывалъ тоже явственное стремленіе подражать карамзинскому *).

Впрочемъ, у Шишкова, какъ академика, былъ и другой поводъ ополчиться противъ внесенной Карамзинымъ «перемѣны въ слогѣ». Если ему и не было извѣстно, что Карамзинъ (наприм., въ разговорѣ съ Каменевымъ) называлъ слогъ Ломоносова—«дикимъ, варварскимъ», то онъ хорошо зналъ, какъ Карамзинъ не одобрялъ въ своихъ рецензіяхъ встрѣчавшіяся у разныхъ писателей церковно-славянскія изрѣченія, «надутіе славенщизною» и, шутя, признавалъ въ этомъ «моду, введенную въ русскій слогъ голѣмыми претолковниками, иже отрѣваютъ все, еже есть русское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія». Подъ этими «претолковниками» подразумѣвались Карамзинымъ въ особенности извѣстные переводчики, Захаровъ и Сидоровскій, бывшіе членами россійской академіи. Шишковъ, вступившій въ ряды академиковъ въ 1796 г. и посвятившій, по его словамъ, три года на составленіе своего *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ* (изданнаго въ 1803 г.), не преминулъ,—укоряя Карамзина за его «на бредъ похожій» языкъ, явившійся, будто бы, отъ излишней начитанности въ иностранныхъ литературахъ,—противупоставить, въ качествѣ образцовъ, творенія Ломоносова, Крашенинникова и того же «претолковника» Ивана Захарова. Примѣры и нападки Шишкова вызвали, какъ извѣстно, обстоятельныя возраженія Макарова и Дашкова, наглядно доказавшія неосновательность многихъ доводовъ ревностнаго славянофила, а, съ другой стороны, насмѣшки стихотворцевъ, особенно В. Л. Пушкина, замѣтившаго,

„Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ“,

и что

„Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье“.

В. Л. Пушкинъ признается, что онъ любитъ «Карамзина читать»; онъ осмѣиваетъ «соборъ безграмотныхъ славянъ, которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ», особенно же «всеславнаго Балдуса» (Шишкова), призывающаго «погрузить въ тьму кромѣшную» всякаго, «смѣетъ кто Карамзина хвалить». Но «во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ: явились Карамзинъ и Дмитревъ—Лафонтенъ! Вотъ чѣмъ всѣ русскіе должны гордиться нынѣ» **).

---

*) Примѣромъ такихъ оборотовъ, справедливо „возмущавшихъ“ Шишкова, могутъ быть приведены изъ указанныхъ имъ: „подпирать мнѣніе свое“, „двигать духомъ“, „принудился я провожать скитающуюся жизнь“, „законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы“, „голова его образована для тайной связи съ невинностью“ и т. д.

**) Впослѣдствіи, однако, Шишковъ призналъ заслуги Карамзина и не только не препятствовалъ, въ качествѣ президента россійской академіи, къ избранію автора *Исторіи Государства Россійскаго* въ члены академіи, но въ 1823 г. вручилъ ему, въ торжественномъ собраніи, золотую медаль, присужденную академіей за важныя услуги „россійскому слову“.

Послѣ новаго языка и слога, особенное впечатлѣніе произвела «чувствительность» Карамзина, выразившаяся, прежде всего, въ его *Письмахъ*. Въ журналѣ *Пріятное и полезное препровожденіе времени* (1794 г., ч. 2) помѣщены были слѣдующіе стихи въ честь «русскаго путешественника».

„Кто въ прозѣ и въ стихахъ пріятностью блистаетъ,
Какъ Мармонтель, какъ Стернъ, сердца и умъ плѣняетъ?
Кто ихъ чувствительность вмѣстилъ въ себѣ одинъ?
Нашъ путешественникъ россійскій—Карамзинъ".

Эта чувствительность или сантиментальность явилась въ русской литературѣ подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ,—того новаго теченія, которое возникло тамъ, какъ реакція противъ ложно-классицизма, и выразилось въ періодъ отъ сороковыхъ до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка—въ романахъ Ричардсона, въ *Новой Элоизѣ* Руссо, въ «путешествіяхъ» Стерна и Берна. Пересаженное на русскую почву, прежде всего, въ переводахъ указанныхъ писателей, это новое теченіе привлекло къ себѣ особенное вниманіе съ тѣхъ поръ, когда представителемъ его выступилъ Карамзинъ, облекшій новыя чувства и мысли въ новый слогъ и языкъ, и съумѣвшій соединить интересное и оригинальное содержаніе съ не менѣе пріятною и оригинальною формой. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, проводимое съ талантомъ, новое направленіе должно было привлечь къ себѣ значительныя симпатіи и вызвать многочисленныхъ подражателей. Явился рядъ «чувствительныхъ» повѣстей: *Прекрасная Татьяна*, *Бѣдная Маша*, *Несчастная Маргарита*, *Обольщенная Генріетта* и т. д., составлявшія подражаніе *Бѣдной Лизѣ*; разные *Плоды свободныхъ чувствованій*, *Утѣхи меланхоліи* и *Оттѣнки чувствъ*,—наконецъ, рядъ «чувствительныхъ» путешествій, тоже въ формѣ писемъ и наполненныхъ сантиментальными изліяніями.

Несомнѣнно, что въ этой чувствительности была своя хорошая сторона; она будила добрыя гуманныя чувства, вызывала участіе къ меньшей братіи, обращала вниманіе на жизнь обыденной природы и быть обыкновенныхъ людей и въ ней указывала на проявленія красоты и добра, достойныя симпатіи. Но, являясь разумною реакціей противъ неестественности и ходульности ложно-классицизма, сантиментализмъ ударился въ другую крайность, въ не менѣе ходульное и неестественное изліяніе чувствъ, въ фальшивое сердечное кокетство, въ безпричинную, приторную слезливость, въ безсодержательное пустословіе и напыщенное фразерство. Эта неестественность не могла не быть замѣченной и, съ своей стороны, вызвала противодѣйствіе, прежде всего, въ формѣ насмѣшки и ироніи, а отчасти также и разъясненія различія между истинною и ложною чувствительностью. Такъ, Подшиваловъ, еще въ 1796 г., въ статьѣ *Чувствительность и причудливость*, отдѣлилъ отъ истинной чувствительности фальшивую, названную имъ «причудливостью», разумѣя подъ послѣднею приторность чувства,—то, что у французовъ называется sensiblerie. Тѣмъ не менѣе, эта приторность чувства,—хотя, можетъ быть, и искренняя,—

встрѣчается нерѣдко и у Карамзина, между прочимъ, и въ его *Письмахъ*, нѣкоторыя мѣста которыхъ невольно вызываютъ улыбку своею наивною сантиментальностью. Странною кажется въ настоящее время и чрезмѣрная слезливость молодого путешественника, легко проливавшаго слезы при самыхъ разнородныхъ ощущеніяхъ. Карамзинъ описываетъ, напримѣръ, какъ онъ плакалъ при отъѣздѣ изъ Россіи, при выходѣ изъ берлинскаго театра, въ которомъ давали пьесу Коцебу *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, при служеніи въ женевской церкви, при наслажденіи закатомъ солнца въ окрестностяхъ Дрездена, при слушаніи гимна Обера въ парижскомъ институтѣ слѣпыхъ, даже при видѣ картины Лебрюна «Магдалина». Такая слезливость не могла не остаться незамѣченной и дала подходящую пищу сатирѣ,—между прочимъ, князя Шаховскаго и даже Грибоѣдова. Послѣдній въ своихъ *Путевыхъ замѣткахъ*, разсказывая о томъ, какъ одинъ восточный человѣкъ въ Эриванѣ, въ видѣ любезности, объявилъ, что «мѣсто мое (Грибоѣдова) у него подъ правымъ глазомъ»,—насмѣшливо замѣчаетъ: «*Карамзинъ бы заплакалъ*, Жуковскій стукнулъ бы чашей въ чашу, я отблагодарилъ янтарнымъ гроздянымъ сокомъ, нектаромъ Эривани, и пурпурнымъ кахетинскимъ».

По именно эта-то приторная чувствительность и пришлась по вкусу ближайшимъ послѣдователямъ Карамзина. Ее-то и находили наиболѣе новымъ, оригинальнымъ элементомъ, достойнымъ подражанія. Это выразилось и въ многочисленныхъ «путешествіяхъ», явившихся, какъ сказано, подъ впечатлѣніемъ карамзинскихъ *Писемъ*. Первымъ подражателемъ Карамзина въ этомъ направленіи былъ В. Измайловъ. Въ 1801—1802 гг. вышло его *Путешествіе въ полуденную Россію*, изложенное въ письмахъ къ семейству, въ четырехъ частяхъ. И по формѣ, и по идеѣ, и по языку оно явилось явнымъ подражаніемъ *Письмамъ русскаго путешественника*, что было замѣчено и самимъ Карамзинымъ. Авторъ также разсуждаетъ объ удовольствіяхъ и пользѣ путешествій, обѣщаетъ наблюдать природу и человѣчество, старается описывать достопримѣчательности, даетъ изліяніе своимъ чувствамъ, не упускаетъ случая познакомиться, гдѣ представляется возможность, съ учеными и литераторами и вставляетъ мѣстами чувствительные анекдоты и стихотворенія. Цѣлью путешествія Измайлова были: Малороссія, Крымъ и Кавказъ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы черезъ Серпуховъ, Тулу, Орелъ, Курскъ, Сумы, Ромны—въ Кіевъ, описанію котораго посвящено 18 писемъ, затѣмъ черезъ Переяславль и Лубны въ Полтаву, далѣе въ Кременчугъ, Херсонъ, Николаевъ, Очаковъ, Одессу; чрезъ Перекопъ въ Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, на южный берегъ Крыма, а также въ Эвпаторію, Кафу (Ѳеодосію), Керчь и Фанагорію. Съ Таманьскаго полуострова Измайловъ проѣхалъ въ Екатеринодаръ, на Кавказскую линію, въ Константиногорскъ, на «теплыя воды», далѣе степью въ Астрахань и изъ Астрахани чрезъ Сарепту и Царицынъ обратно въ Москву. Сравнительно болѣе подробно описаны въ *Путешествіи*: Кіевъ, его церкви, пещеры, крѣпость, духовная академія съ ея учеными диспутами, на-

селеніе; Херсонъ; нѣкоторыя мѣстности Крыма и Кавказа; Сарепта. Мѣстами приведены историческія воспоминанія, по поводу памятника Говарду въ Херсонѣ вставлено «размышленіе о семъ филантропѣ», сообщается кое-что о древностяхъ и естественныхъ произведеніяхъ Крыма, о происхожденіи черноморскихъ козаковъ и о запорожской сѣчи, о правахъ и обычаяхъ черкесовъ, объ индѣйскомъ капищѣ въ Астрахани и т. д.; описаны встрѣчи и разговоры съ разными лицами, между прочимъ, съ проповѣдникомъ Левандою, съ бывшимъ московскимъ профессоромъ, ученикомъ Линнея, Афонинымъ, съ извѣстнымъ натуралистомъ Палласомъ, съ академикомъ Захаровымъ, съ Мордвиновымъ, съ дочерью бывшаго крымскаго хана и др. Но въ особенности изобилуютъ приторно-чувствительныя разсужденія, начинающіяся съ самаго перваго письма. «Подъ отечественнымъ небомъ,— говоритъ авторъ,— странствую съ мирною душей. Иногда вечерній вѣтерокъ нанесетъ облако горести, тѣнь задумчивости, но съ утреннею зарей показывается мнѣ новая заря счастія... Такъ я буду пилигримствовать, утѣшаясь жизнію, наслаждаясь меланхоліею, наблюдая съ любопытствомъ и природу, и человѣчество... Со мною два человѣка (крѣпостныхъ), добрые и простые, которыхъ привязанность замѣняетъ для меня дружбу, со мною англинская моя собачка, которая всегда покоится на рукахъ моихъ, услаждаетъ мои потери, разсѣиваетъ мои прискорбія; со мною сердце мое, гдѣ живутъ надежды и воспоминанія, гдѣ течетъ источникъ всѣхъ удовольствій... Я обхаживаю пѣшкомъ всѣ любопытныя мѣста... ищу раздѣлять со всею вселенною живость чувствъ моихъ, сообщаю людямъ моимъ каждое новое открытіе взора, обнимаю ихъ въ движеніи радости и спрашиваю: «Видите ли, какъ прекрасно льются струи сего прозрачнаго ручейка? Слышите ли, какъ сладко поетъ соловей? Чувствуете ли, какъ сердце томится отъ нѣжности?» и т. д., все въ томъ же родѣ. Путешественникъ жалѣетъ о рабочихъ тульскихъ оружейныхъ заводовъ, что они «живутъ только механически и не имѣютъ нравственной жизни»; онъ восхищается возвращеніемъ стада въ деревню, когда «ребятишки загоняли барашковъ и овечекъ, которые не хотѣли, казалось, разстаться съ природою»; онъ подсматриваетъ двухъ купающихся молодыхъ нимфъ, и, «видя милую стыдливость ихъ», устыжается своей нескромности и удаляется; онъ мечтаетъ о семейной жизни въ сельскомъ домикѣ, «въ тишинѣ сердца и природы», съ подругою, которая «играетъ или поетъ, умѣетъ трогаться красотами лазури, музыки и домашней жизни, которая, наконецъ, читаетъ Руссову Элоизу», а въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ идетъ еще дальше и мечтаетъ, что если «превратность вещей человѣческихъ перемѣнитъ когда-нибудь состояніе его въ обществѣ», то онъ «сдѣлается земледѣльцемъ, выберетъ себѣ подругу и вмѣстѣ съ нею поселится въ низкой хижинѣ», «будетъ съ нею обрабатывать уголокъ земли или стеречь барашковъ и овечекъ... Плоды земные будутъ нашею пищей, мягкая солома—постелью... Я буду читать, любить и трудиться, подруга моя будетъ въ угожденіе пѣть русскія пѣсни, а я въ угожденіе ей буду переводить наизусть нѣжнѣйшія письма англійскихъ

любовниковъ. Послѣ чтенія, работы... я прилягу къ ея груди, она прилжетъ къ головѣ моей, и мы сладко заснемъ съ образомъ счастія» и т. п. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, напримѣръ, въ письмахъ о черноморской торговлѣ, объ астраханскомъ рыболовствѣ, Измайловъ приводитъ нѣкоторыя статистическія данныя, но тотчасъ же оправдывается, говоря, что онъ дѣлаетъ это лишь по просьбѣ «нѣкоторыхъ людей», а вообще это не его дѣло и «не совсѣмъ входитъ въ планъ его путешествія»,—планъ, который опредѣляется до нѣкоторой степени эпиграфомъ книги, взятымъ изъ Дюпати: «Другіе (путешественники) привозятъ мраморы, медали, произведенія природы, я же возвращаюсь съ ощущеніями, чувствами и идеями».

Путешествіе Измайлова имѣло извѣстный успѣхъ и вызвало въ свою очередь подражателей. По слѣдамъ Измайлова поѣхалъ въ Малороссію Шаликовъ, издавшій въ 1803 г., въ одной книжкѣ, тоже *Путетествіе въ Малороссію*. Но въ этомъ «путешествіи» нѣтъ уже почти никакого содержанія; самъ авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что «въ семъ путешествіи нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ описаній, одни впечатлѣнія путешественника описаны въ немъ»... «На что-жь издавать его?»—спрашиваетъ далѣе самъ авторъ, и отвѣчаетъ: «сердца, образованныя для чувствительности, находятъ подъ печатью ея самую бездѣлку пріятностью и на часъ забываютъ о талантѣ». «Путешествіе мое,—говоритъ Шаликовъ далѣе, въ посвященіи друзьямъ,—не напомнитъ вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова—большое разстояніе! Но вы найдете въ немъ вашего друга съ пламенною любовью къ вамъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми новыми мыслями, съ нѣкоторыми замѣчательными чувствами»... Никакихъ, однако, новыхъ мыслей и замѣчательныхъ чувствъ въ книжкѣ не оказывается. Тѣ же разсужденія о пользѣ путешествія, о сладости дружбы, о простотѣ чувствъ «въ низкомъ состояніи», о красотахъ природы, о счастіи жизни «вдвоемъ съ милою сердцу» и т. д. Путешественникъ непрестанно вспоминаетъ о Карамзинѣ, онъ говоритъ, что «Карамзинъ не выходитъ изъ рукъ его», что «ежели бы онъ имѣлъ дарованіе Карамзина, то воспѣлъ бы Днѣпръ»; онъ спрашиваетъ: «Кто не читалъ *Писемъ русскаго путешественника?* Кто не затвердилъ въ памяти и сердцѣ своемъ всего того, что описано въ нихъ?» Смотря балетъ изъ крѣпостныхъ танцовщицъ у одного богатаго помѣщика въ мѣстечкѣ Будѣ, авторъ воображаетъ, что онъ въ Аѳинахъ, «въ храмѣ наслажденія», и что «все, о чемъ мечталъ любезный Карамзинъ въ минуты пріятныхъ мыслей, исполняется съ нимъ (авторомъ) въ самомъ дѣлѣ». Эпиграфъ для своего *Путешествія* Шаликовъ взялъ изъ Карамзина: «Кто еще не запертъ въ клѣтку, кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь, тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ и можетъ быть счастливъ, и долженъ быть счастливъ». Для одной главы взятъ еще эпиграфъ изъ *Чувствительнаго путешественника* Верна: «Оттѣнокъ чувства поражаетъ и привлекаетъ меня болѣе, чѣмъ Пантеоны и Траяновы столбы».

Путешествіе Шаликова встрѣтило достойный его отзывъ со стороны карамзинистовъ. Въ *Вѣстникѣ Европы* было замѣчено (Жуковскимъ), что для написанія иныхъ главъ *Путешествія*, напримѣръ, *Лѣсная вечера*, не стоило ѣздить въ Малороссію: «на Дѣвичьемъ полѣ (въ Москвѣ) можно увидать то же самое». *Московскій Меркурій* отмѣтилъ, что въ *Путешествіи* нѣтъ не только статистическихъ и географическихъ описаній, но также «историческихъ и философскихъ». «Авторъ не описываетъ даже ни правовъ, ни образа жизни въ томъ краѣ, по которому проѣхалъ». Что же касается «впечатлѣній», то критикъ замѣчаетъ, что «впечатлѣнія единственно въ такомъ случаѣ бываютъ занимательны, когда предметы, которые производятъ ихъ, достойны общаго любопытства», и что безъ этого и «съ лучшими намѣреніями можно досадить». Рецензентъ (Макаровъ) обращаетъ также вниманіе на неправильности слога и на излишнее употребленіе французскихъ словъ у путешественника. Такая критика, однако, не охладила пылъ Шаликова и въ слѣдующемъ году онъ издалъ *Другое путешествіе въ Малороссію*, въ томъ же родѣ, съ подобными же «замѣчаніями» и «разсужденіями», причемъ авторъ, между прочимъ, возражаетъ на рецензію *Московскаго Меркурія*, доказывая, напримѣръ, что «его не посылали путешествовать, онъ добровольно поѣхалъ, слѣдовательно, и разсказываетъ о томъ, о чемъ хочетъ разсказывать», и что его желаніемъ было: «сдѣлать изъ Малороссіи Аркадію». Въ книжкѣ помѣщено довольно длинное стихотвореніе, въ которомъ авторъ выражаетъ, между прочимъ, желаніе «имѣть небесный даръ» Хераскова, Державина, «пѣть съ Карамзинымъ души и сердца каждy страсть» и «съ Дмитріевымъ плѣнять разсказомъ, остротою».

Кромѣ Измайлова и Шаликова, въ 1802—1804 годахъ вышло еще нѣсколько «чувствительныхъ» путешествій, но еще менѣе интересныхъ и содержательныхъ *). Въ нихъ разсказывалось, напримѣръ, какъ путешественники «тихими шагами бѣгали по полю», какъ они, «срывая цвѣточки, плѣли вѣночки», какъ «въ частой рощицѣ, подъ молодымъ березникомъ грибокъ отъ зелени отдѣляли, все было восхитительно!» Неудивительно, что такія произведенія вызвали цѣлый рядъ насмѣшливыхъ отзывовъ, ироническихъ замѣчаній и болѣе или менѣе остроумныхъ сатиръ. Князь Горчаковъ въ *Посланіи къ кн. С. Н. Долгорукову*, говоря о «модныхъ авторахъ, искажающихъ отеческій языкъ», характеризуетъ ихъ такъ:

„Одинъ (очевидно, Шаликовъ), слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой (Измайловъ) съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Гордится, выпуста сантиментальный вздоръ...
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый тернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье,

*) Болѣе содержательны *Письма* Макарова изъ Лондона, писанныя въ 1795 г., но напечатанныя въ *Московскомъ Меркуріи* 1803 г. и *Вѣстникѣ Европы* 1804 г.

Курсивомъ прописавъ змѣё свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ или малъ ихъ даръ".

«Нынѣ,—говорится въ одной переводной повѣсти, помѣщенной въ *Журналѣ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія*, изд. П. Сумароковымъ (1802 г., ч. I),—не дѣлаютъ болѣе описанія городовъ, памятниковъ, славныхъ картинъ и проч., но должно, чтобъ путешественникъ никогда не проѣзжалъ мимо какой-нибудь развалины или могилы, не дѣлая меланхолическихъ разсужденій о бренности земныхъ великостей и жизни. Въ каждомъ лѣсу надобно ему чувствовать священный ужасъ, на каждой горѣ приходить въ восторгъ. Каждое утро онъ обязанъ восхищаться восхожденіемъ солнца и всякій вечеръ при заходѣ онаго плакать или, по крайней мѣрѣ, тяжело вздыхать. Онъ не описываетъ ни правовъ, ни обычаевъ, но строжайшій даетъ отчетъ во всѣхъ своихъ чувствахъ и даже въ малѣйшихъ ощущеніяхъ». «Вмѣсто того,—говоритъ Каразинъ (въ рѣчи, произнесенной въ 1820 г. въ петербургскомъ обществѣ любителей словесности),—чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ то же дарованіе, то же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше путешествія, дѣйствительно совершонныя въ нѣдрахъ отечества нашего. Исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разновидныхъ обитателей».

Особенно доставалось отъ сатиры Шаликову. Измайловъ предложилъ назвать «Пулпкова» за то, что онъ «такъ сладостно поетъ»—*кондитеромъ литературы*. Князь Вяземскій окрестилъ его «Вздыхаловымъ» и смѣялся, какъ

„Съ собачкой, съ посошкомъ, съ лорнеткой
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И чуть съ звенящимъ кошелькомъ,
По свѣту бѣлому Вздыхаловъ
Пустился странствовать пѣшкомъ".

Извѣстна характеристика Шаликова, сдѣланная Воейковымъ въ *Домѣ сумасшедшихъ* (1814 г.):

„Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненный въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣсть
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ".

Сатирическимъ подражаніемъ *Путешествія въ Кронштадтъ* Шаликова (помѣщеннаго въ *Московскомъ Зрителѣ* 1806 г.) было *Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту* П. Яковлева (въ журналѣ *Благона-*

мѣренный 1820 г.), гдѣ описывается посѣщеніе трактира, кофейной, магазиновъ и проч., съ различными сантиментальными замѣчаніями и восклицаніями во вкусѣ «чувствительныхъ» путешественниковъ.

Сатира мѣтила преимущественно въ подражателей Карамзина, но мимоходомъ она задѣвала и самого автора *Писемъ русскаго путешественника*. Иногда же она была направлена и прямо противъ него. Такъ, въ журналѣ *Ипокрена* 1799 г., въ *Одѣ въ честь моему другу*, въ которой авторъ подсмѣивается надъ философіей Карамзина и его взглядами на человѣческія чувствованія и наслажденія, говорится по поводу его путешествія:

„Хоть ты и ѣздилъ въ земли чужды,
Но не трактировъ тамъ смотрѣлъ;
Не видѣлъ въ томъ ни малой нужды,
Чтобъ знали, что ты пилъ и ѣлъ.
И, ѣздивши не на проказы,
Хрусталь не кажешь за алмазы,
Чтобъ быть слѣпымъ вождемъ слѣпцовъ".

Здѣсь осмѣиваются замѣчанія Карамзина относительно иностранныхъ отелей, трактировъ и его восхищеніе вообще заграничною жизнью; въ стихотвореніи же *Чудеса*, помѣщенномъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1804 г., осмѣивается особенно его сантиментальность въ описаніяхъ заграничной природы:

„Видалъ я чудаковъ, которые ѣзжали
За тридевять земель
Смотрѣть, какъ солнышко заморское родится,
Иль слушать, какъ шумитъ заморскій вѣтерокъ,
Иль любоваться, какъ заморскій ручеекъ
По камнямъ и песку заморскимъ же струится,
Какъ будто на Руси не стало ручейковъ?
Иль будто вѣтерокъ шумѣть у насъ не смѣетъ
И солнце русское согрѣться не умѣетъ?"

Самою ѣдкою сатирой на сантиментальныхъ путешественниковъ была, однако, комедія князя А. Шаховскаго *Новый Стернъ* (1807 г., 2-е изд. 1822 г.). Она имѣла въ виду преимущественно путешествія по Россіи Измайлова и Шаликова, но косвенно она задѣвала и Карамзина. Въ комедіи представлено именно, какъ одинъ «сантиментальный путешественникъ», графъ Пронскій, не захотѣлъ служить въ военной службѣ и отправился со своимъ слугой Ипатомъ въ путешествіе по Россіи. Другъ отца графа Пронскаго, отставной майоръ Судбинъ, отправляется разыскивать молодаго графа и застаетъ его въ одной деревнѣ, гдѣ онъ влюбляется въ «трогательную пастушку», дочь мельника Маланью, и мечтаетъ даже о супружескомъ съ нею счастіи. Судбинъ вступаетъ въ заговоръ съ Ипатомъ, матерью и женихомъ Маланьи противъ молодаго путешественника, и ему удается, наконецъ, образумить послѣдняго и побудить его къ возвращенію къ отцу. Рѣчь графа Пронскаго пересыпана искусственными словами, а чувствительныя мечтанія его представлены въ смѣшной формѣ. На вопросъ

Судбина Ипату: «что вы здѣсь дѣлаете?» Ипатъ отвѣчаетъ: «Мы, сударь?... Смотря по погодѣ: вздыхаемъ, плачемъ, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Ясное солнце согрѣваетъ наши чувства; ужасный морозъ напрягаетъ нашу жизненность; быстрый ручей мелодіею своей питаетъ нашу меланхолію; тихое озеро служитъ зеркаломъ нашей чувствительности; наконецъ, вёдро, вѣтеръ, дождь, горы, лѣса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары и все имѣетъ вліяніе на нашу душу; словомъ, мы сантиментальные вояжеры!» Самъ графъ Пропскій такъ говоритъ самъ съ собою: «О, натура! О, Стернъ!... Созданіе міровъ, жертва тебѣ! Присущественность! Утро ясно, ясна душа моя!... Чудна, пестра природа!...» Далѣе онъ жалуется на потерю друга (собачки Леди), вздыхаетъ объ интересной пастушкѣ и признается, что «пламенная стрѣла Амура нарисовала ея силуетъ въ сердцѣ моемъ». «Напрасно я перелистывалъ *Новую Элоизу*; я вездѣ читалъ имя незнакомой дѣвушки!» Онъ поетъ романсъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

„Натура! Я тебѣ подобенъ:
Я вольно чувствовать хочу;
Какъ скромный кроликъ я незлобенъ,
И въ слѣдъ любви вездѣ лечу!“

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ Ипатомъ, Меланьей и ея женихомъ, Пропскій говоритъ объ Іорикѣ, объ «узлѣ симпатіи», восхищается «непринужденною дочерью Природы», завидуетъ «счастливому смертному, который долженъ культивировать эту фіалку», употребляетъ слова: «пренсипы», «изгибы сердца», «кругъ непросвѣщенія» и т. д. Ипатъ жалѣетъ барина, жалуется на «слезливыхъ писателей, плаксивыхъ сочинителей», загубившихъ «добраго господина», и проситъ Судбина разтолковать: «откудова выѣхала къ намъ эта сантиментальная чертовщина»? «Она сформировалась въ Англіи,—объясняетъ Судбинъ,—попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ ее вывезли въ такомъ жалкомъ состояніи, что... и курямъ на смѣхъ». Графъ, между тѣмъ, осмѣянный мужиками и мальчишками, жалуется на «невѣжество... корень всего зла, ядъ человѣчества», и восклицаетъ: «О просвѣщеніе! когда черта твоя обрисуетъ наше отечество? Наши Стерны, наши Юнги, наши Дороты, когда вы дадите плодъ отъ вашего сѣянія? Жестокосердый, грубый инъорансъ!»... «Люди,—объясняетъ онъ Ипату,—которыхъ просвѣщеніе дѣлаетъ эгоистами, изгнали меня изъ столицы, чтобы искать дѣтей Природы; я ихъ нашелъ, но невѣжество дѣлаетъ ихъ грубыми». Является Судбинъ, переодѣтый отцомъ Меланьи. Графъ объявляетъ ему, что онъ, «по примѣру многихъ чувствительныхъ людей, предпріялъ объѣхать всю Россію, а потомъ и далѣе». «Славно,—отвѣчаетъ переодѣтый Судбинъ.—Ты хочешь узнать всю святую Русь... гдѣ чѣмъ промышляютъ, гдѣ что родится, гдѣ много земли, да мало рукъ, гдѣ мало земли, да много рукъ, гдѣ мужики зажиточные, гдѣ они нищіе, чѣмъ можно поправить ихъ обиходъ, чѣмъ пособить злу, какъ сдѣлать добро». Но Ипатъ хохочетъ и отвѣчаетъ: «Знай, старикъ, что

мы презираемъ чины, и что мы смѣемся надъ честью».—«Смотри пожалуй,— удивляется Судоплъ.—Да зачѣмъ же онъ и дворянинъ, какъ не для того, чтобы служить государю да государству? Богъ всякаго человѣка создалъ для чего-нибудь: нашего брата, чтобъ работалъ землю, а ихъ милость, чтобъ быть заступникомъ нашимъ предъ царемъ и законами». Но Ипатъ объясняетъ, что «мы съ бариномъ ѣздимъ по бѣлу свѣту, да восхищаемся». Пронскій смущается этимъ разговоромъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣшается жениться на Меланьѣ, поселиться въ хижинѣ, «обрабатывать уголокъ земли или стеречь барашковъ» и заниматься чтеніемъ Цицерона, Стерна, Юнга и *Новой Элоизы*. Онъ бросается на колѣни предъ отцомъ Меланьи, но Судбинъ снимаетъ бороду и парикъ и образумливаетъ графа, говоря, между прочимъ: «Вы должны почувствовать, сколь воображеніе молодого чувствительнаго человѣка, воспламененное взбалмошными писателями, можетъ быть для него пагубно. Рожденный съ чувствами пламенными, сердцемъ нѣжнымъ, душою пылкой, молодой человѣкъ, начитавшійся писателей, которые, несмотря на ихъ ложныя мысли, одарены нѣкоторымъ краснорѣчіемъ, можетъ на минуту заблудиться, но при первомъ свѣтѣ разсудка онъ долженъ выйти на истинный путь». Графъ пристыженъ и клянется «исправиться и убѣгать навсегда всѣхъ чувствительныхъ странностей, которыя дѣлаютъ насъ ни къ чему не полезными и смѣшными».

Но если одни видѣли въ сантиментальности только смѣшное, то другіе прозрѣвали въ ней опасное. Уже Шишковъ связывалъ вопросъ о слогѣ и языкѣ съ вопросами о вѣрѣ, нравственности и любви къ отечеству, чѣмъ и вызвалъ появленіе сказки Измаилова: *Шутъ въ парикѣ*, въ которой описывается, между прочимъ, какъ нѣкто упрекнулъ на балѣ старика въ запачканномъ тулупѣ, но во французскомъ парикѣ, за то, «что онъ всѣхъ поноситъ», и какъ разозлился старый шутъ:

„Безбожникъ,—сталъ кричать,—измѣнникъ, франмасонъ,
Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ!“

Но если Шишковъ довольствовался только брошеннымъ вскользь, между строкъ полемики, обвиненіемъ, то другіе пошли дальше и обратились къ доносамъ. Такой доносъ былъ сдѣланъ на Карамзина императору Павлу, и если онъ остался безъ всякихъ послѣдствій, то только потому, что совершенная ложь его была разъяснена императору его любимцемъ, графомъ Растопчинымъ, который приходился родственникомъ первой женѣ Карамзина. Извѣстно также, что нѣмецкій переводъ карамзинскихъ *Писемъ* (изданныхъ въ Лейпцигѣ) былъ задержанъ при Павлѣ рижскимъ цензоромъ Туманскимъ, который тоже сдѣлалъ «докладъ» о встрѣченныхъ имъ въ этомъ изданіи «вольныхъ мысляхъ». Доносы на Карамзина повторялись и при Александрѣ I, несмотря на то, что Карамзинъ пользовался въ это время уже почетною извѣстностью, былъ постояннымъ гостемъ великой княгини Екатерины Павловны, бесѣдовалъ съ самимъ государемъ и былъ назначенъ русскимъ исторіографомъ. Въ то самое время, когда государь изъявлялъ Карамзину свое особое благоволеніе и пожаловалъ его (въ 1810 г.)

орденомъ св. Владиміра 3-й степени, попечитель московскаго учебнаго округа Кутузовъ доносилъ только что назначенному тогда министромъ народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому, что «сочиненія г. Карамзина исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда»... и что «государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется»... «Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно бы дать, а давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь... И вы, и я дадимъ отвѣты предъ судомъ Божіемъ, когда не ополчимся противу сего яда, во тьмѣ пресмыкающагося, и не поставимъ оплота сей тлетворной водѣ, всякое благочестіе потопить угрожающей. Ваше есть дѣло открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія и врага всякаго блага, и яко орудіе тьмы... Карамзина превозносятъ, боготворятъ! Во всемъ университетѣ, въ пансіонѣ читаютъ, знаютъ его наизусть, что изъ этого будетъ?... Онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сіесы или въ первые консулы,— это здѣсь всѣ знаютъ и всѣ слышатъ... Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, но объ университетахъ надобно подумать и сію заразу какъ-нибудь истребить». Донось Кутузова, однако, ни на кого не подѣйствовалъ и былъ увѣковѣченъ только въ извѣстномъ куплетѣ *Дома сумасшедшихъ* Воейкова:

„Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
Рветъ-грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни иромъ“.

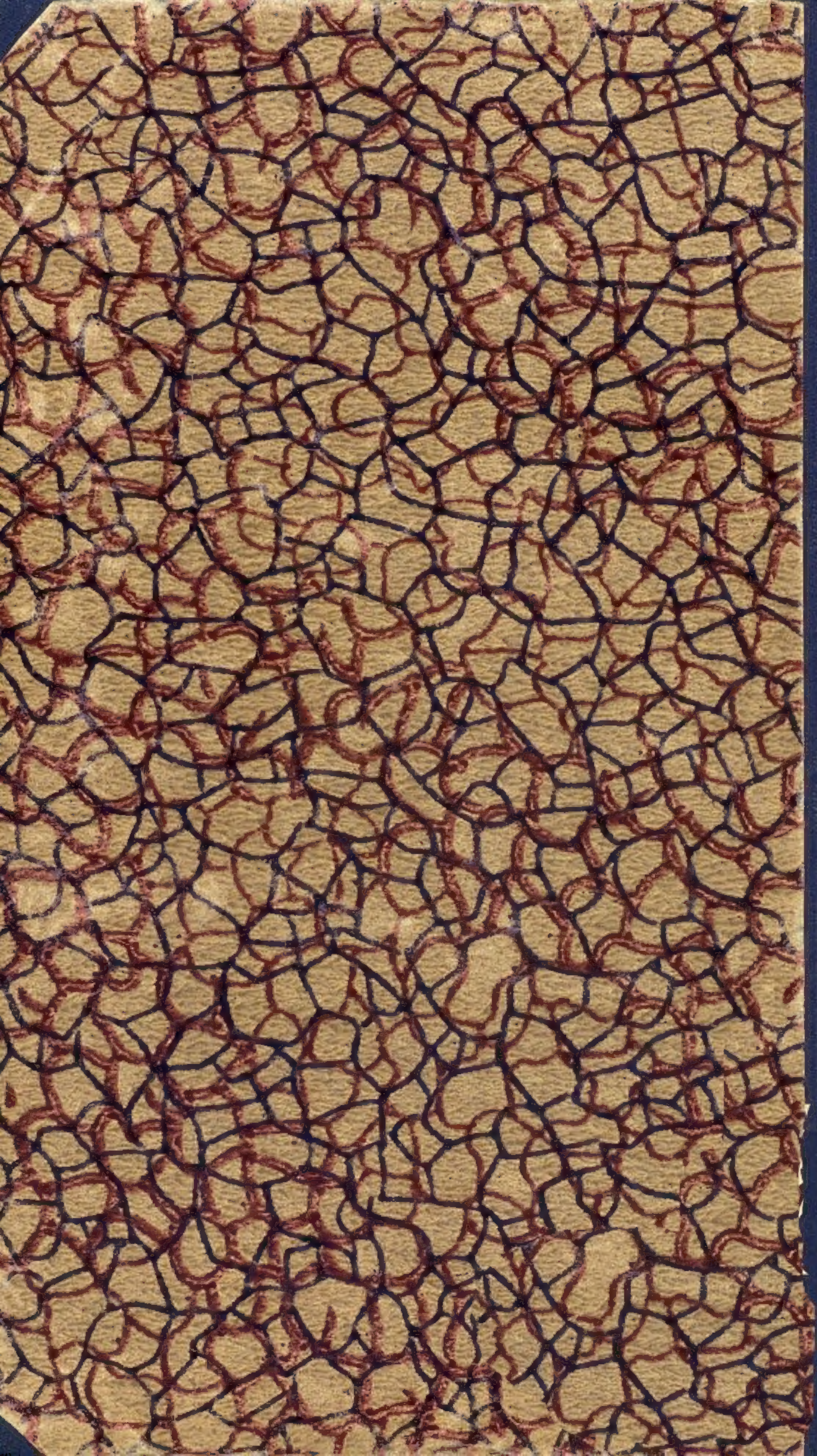
Дѣйствительно, Карамзинъ, какъ писатель и особенно какъ историкъ, достигъ, при Александрѣ I, такого высокаго положенія, что доносы Кутузова, конечно, могли казаться только смѣшными. Съ другой стороны, съ теченіемъ времени убѣжденія Карамзина настолько измѣнились и опредѣлились, что онъ самъ попалъ, въ глазахъ молодаго поколѣнія, въ разрядъ отсталыхъ консерваторовъ. Появленіе первыхъ томовъ его *Исторіи* особенно рѣзко обозначило это различіе во взглядахъ. «Исторія принадлежитъ народамъ»,—возражалъ Н. М. Муравьевъ въ отвѣтъ на заключеніе Карамзина, въ его посвятительномъ письмѣ, что «исторія народа принадлежитъ царю». Приведя слова Карамзина, что «должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобъ учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное счастіе»,— Муравьевъ въ своей *Запискѣ* замѣчаетъ, что «обыкновенно страстямъ противятся другія страсти»... «Вообще отъ самыхъ первыхъ временъ—одни и тѣ же явленія; отъ времени до времени рождаются новыя понятія, новыя мысли,—онѣ долго маются, созрѣваютъ, потомъ быстро распростра-

няются и производятъ долговременныя волненія, за которыми слѣдуетъ новый порядокъ вещей, новая нравственная система... Какой умъ можетъ предвидѣть и объять эти волненія?... Кто дерзнетъ въ высокомѣріи своемъ насильствами учреждать и самый порядокъ?... Насильственныя средства и беззаконны, и гибельны; ибо высшая политика и высшая нравственность— одно и то же». По поводу мнѣнія Карамзина, что исторія миритъ гражданъ «съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ», критикъ замѣчаетъ, что, «конечно, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земнаго, но исторія должна ли только мирить насъ съ несовершенствомъ, должна ли погружать насъ въ нравственный сонъ квіэтизма?... Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ... Не примиреніе наше съ несовершенствомъ... не пища чувствительности... составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ». Муравьевъ доказываетъ, что есть различіе между несовершенствами, что несовершенство вѣка Антониновъ не то, что несовершенство вѣка Нерона или Геліогабала, и несовершенства воинственнаго народа временъ Святослава и Владиміра «не сходствуютъ съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи» или «еще болѣе унизительной для нравственности народной... эпохи возрожденія нашего»—при Іоаннѣ Калитѣ, Іоаннѣ III, Василіи, Іоаннѣ IV. Муравьевъ доказываетъ, въ противность Карамзину, что есть «разность» между войнами «за честь Аѳинъ и Спарты» и войнами «за честь Мономахова или Олегова дому»: «Тамъ граждане сражались за власть, въ которой они участвовали; здѣсь слуги дрались по прихотямъ господъ своихъ. Мы не можемъ забыть, что «полутигры Греціи» наслаждались всѣми благами земли, свободою и славой просвѣщенія»... «Осуждая холодность Юма,—замѣчаетъ Муравьевъ,—нашъ писатель весьма справедливо замѣчаетъ, что любовь къ отечеству даетъ кисти историка жаръ, силу, прелесть; гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души. Согласенъ; но часто ли попадались Юму Алфреды, а можно ли любить притѣснителей и заклепы? Тацита одушевляло негодованіе».

Таковы были взгляды либеральной молодежи того времени. Но на Карамзина смотрѣли, какъ на contraire aux idées libérales, также и нѣкоторые вельможи, напримѣръ, канцлеръ графъ Румянцевъ и министръ Козодавлевъ, а, съ другой стороны, и такіе выдающіеся умы, какъ Пушкинъ и Каразинъ. Послѣдній въ запискѣ, поданной имъ въ 1826 г. императору Николаю, замѣтилъ, между прочимъ: «Гдѣ, кромѣ Карамзина, найдемъ историковъ, которые бы одобряли самовластіе?» Что Карамзинъ не сочувствовалъ либеральнымъ идеямъ своего времени, это заявилъ онъ самъ своими мнѣніями по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, своимъ замѣчаніемъ, что онъ «презираетъ либераловъ нынѣшнихъ и любитъ только ту свободу, которой никакой тиранъ не можетъ отнять», своими мыслями о «либералистахъ», записанными въ его памятной книжкѣ и въ которыхъ онъ, между

прочимъ, говоритъ: «Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей! Но есть ли счастье тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно. Можете низъ поставить наверху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ съ помощью Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію!»

Прошелъ десятокъ-два лѣтъ, и сочиненія Карамзина (кромѣ его *Исторіи*, да и то болѣе съ фактической стороны) утратили свое значеніе. Во главѣ русской литературы выступили другія имена; другіе образы, типы, мысли и чувства стали проводиться русскими писателями и возбуждать интересъ въ русскомъ обществѣ. Но *Письма русскаго путешественника* долго еще продолжали оказывать благотворное и образовательное вліяніе на русскую читающую публику. Въ тридцатыхъ годахъ ими еще восторгались у насъ и старые, и молодые. Такъ, въ семьѣ Ѳ. М. Достоевскаго ихъ читали по вечерамъ рядомъ съ сочиненіями Державина, Жуковскаго, Загоскина и пр. Буслаевъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* разсказываетъ, что *Письма русскаго путешественника* были для него, гимназиста, «зеркаломъ, въ которомъ отразилась вся европейская цивилизація», «Карамзинъ казался мнѣ самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ въ Россіи, представителемъ той высокой степени развитія, до которой могла она достигнуть въ то время, наставникомъ и руководителемъ каждаго изъ русскихъ, кто пожелалъ бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ». Въ другой своей статьѣ (рѣчи, произнесенной въ 1866 г.) Буслаевъ, замѣтивъ, что *Письма русскаго путешественника* «даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія», прибавилъ, что «частью имѣютъ они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка». Но Бѣлинскій уже двадцатью годами раньше (въ 1843 г.) нашелъ возможнымъ высказать убѣжденіе, что «творенія Карамзина могутъ составлять только болѣе или менѣе любопытный предметъ изученія въ исторіи русскаго языка, русской литературы, русской общественности, но уже нисколько не имѣютъ, для настоящаго времени (т.-е. для 40-хъ годовъ), того интереса, который заставляетъ читать и перечитывать великихъ и самобытныхъ писателей. Въ сочиненіяхъ Карамзина все чуждо нашему времени, и чувства, и мысли, и слогъ, и самый языкъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего нашего». Если Бѣлинскій и былъ правъ, не признавая Карамзина великимъ писателемъ, то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что онъ былъ слишкомъ рѣзокъ, отрицая въ его произведеніяхъ всякій интересъ для ближайшихъ послѣдующихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи Бѣлинскій также увлекался, какъ и въ томъ, что онъ объяснялъ значеніе Карамзина, какъ «перваго на Руси образованнаго литератора», тѣмъ, «что онъ научился у французовъ мыслить и чув-

ствовать, какъ слѣдуетъ образованному человѣку». Мыслить Карамзинъ научился въ Москвѣ, въ общеніи съ кружкомъ Новикова, и особенно съ Петровымъ, Кутузовымъ, Ленцомъ и т. д., и не изъ однихъ произведеній французской литературы, но также нѣмецкой и англійской. Бѣлинскій, тѣмъ не менѣе, вполнѣ признавалъ значеніе *Писемъ* Карамзина и даже считалъ ихъ, несмотря на нѣкоторую поверхностность ихъ содержанія, «великимъ произведеніемъ». «*Письма русскаго путешественника*,—говоритъ онъ,—въ которыхъ Карамзинъ такъ живо и увлекательно разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Европою, легко и пріятно познакомили съ этою Европою русское общество. Въ этомъ отношеніи *Письма русскаго путешественника*—произведеніе великое, несмотря на всю поверхностность и всю мелкость ихъ содержанія: ибо великое не всегда только то, что само по себѣ дѣйствительно велико, но иногда и то, что достигаетъ великой цѣли какимъ бы то ни было путемъ и средствомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что именно своей легкости и поверхностности обязаны *Письма русскаго путешественника* своимъ великимъ вліяніемъ на современную имъ публику; эта публика не была еще готова для интересовъ болѣе важныхъ и болѣе глубокихъ». Въ приведенной оцѣнкѣ Бѣлинскаго есть, несомнѣнно, значительная доля правды, но мы должны нѣсколько заступиться за *Письма* въ отношеніи къ «мелкости ихъ содержанія», и заступиться именно путемъ сравненія ихъ не только съ однородными и современными имъ произведеніями русскихъ и иностранныхъ литературъ, въ которыхъ трудно указать что-либо превосходящее *Письма* Карамзина по интересу и содержательности, но и съ послѣдующими русскими произведеніями въ томъ же родѣ, почти до самыхъ сороковыхъ годовъ. Только въ это время, спустя почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ появленія первыхъ *Писемъ русскаго путешественника*, наиболѣе выдающіеся изъ русскихъ образованныхъ людей стали затрогивать въ своихъ заграничныхъ дневникахъ и письмахъ иные, болѣе глубокіе общественные вопросы и интересоваться такими сторонами западноевропейской жизни, которыя не могли еще обращать на себя должное вниманіе «русскаго путешественника» конца прошлаго столѣтія.

Д. Анучинъ.